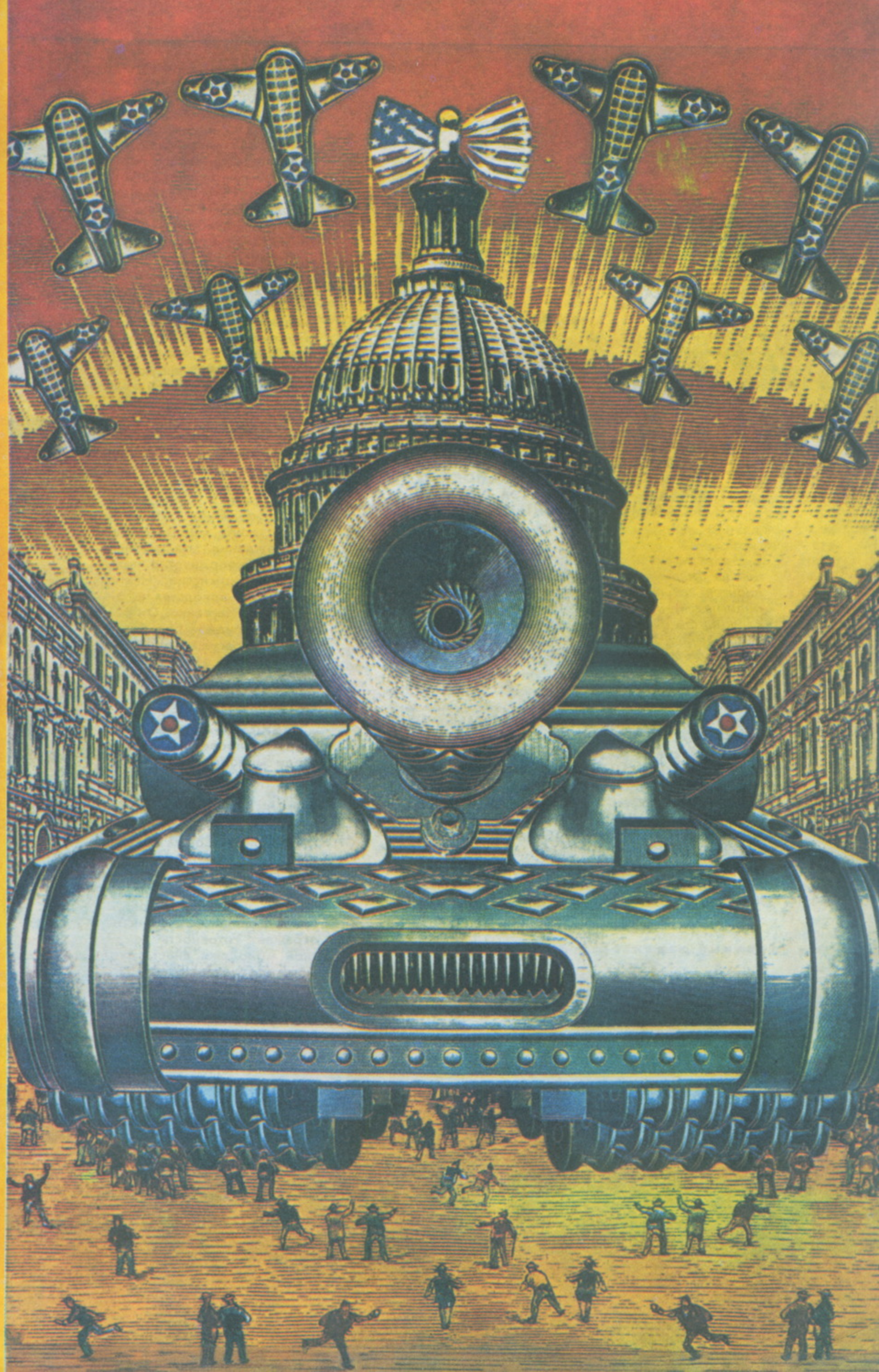

ПОБЕДИМЫЕ 3 1982

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Март, 1982 год, № 3

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРКИ, РЕПОРТАЖИ, ИНТЕРВЬЮ,
РАССКАЗЫВАЮЩИЕ ОБ ОБМАНУТЫХ,
О ТЕХ, КОГО ИМПЕРИАЛИЗМ ПОСЛАЛ
УБИВАТЬ И УМИРАТЬ ЗА ЧУЖДЫЕ
ПРОСТЫМ ЛЮДЯМ ИНТЕРЕСЫ

На первой странице обложки рисунок из американского журнала. Такой его авторам видится современная Америка — подмятая военно-промышленным комплексом, для которого, говоря словами бывшего натовского генерала, а ныне руководителя дипломатической службы США, есть вещи подороже, чем мир.

4. СМОТРИТЕ
6. Гэс Холл. САМЫЕ ХУДШИЕ, САМЫЕ ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА
8. Нина Чугунова. РАЗГОВОР О ВОЙНЕ И МИРЕ
12. Хорст Бургер. «МЫ СПАСАЕМ ФАТЕРЛАНД»
14. Том Дэвис. ПОЧЕМУ МЭГГС СОШЕЛ С УМА?
16. Джонатан Геффен. А ГЕНЕРАЛЫ КУРИЛИ СИГАРЫ...
18. Лэнс Морроу. КОГДА ТЫ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН
20. Валериан Скворцов. «АВТОМАТЫ» МАО
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. КОЛУМБИЯ: ИСКУССТВО, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА
29. Пол Рэмбели. СТОЛКНОВЕНИЕ «КЛЭШ»
30. Иржи Вейвода. ЧЕРНАЯ КОРОЛЕВА ДИСКОТЕК

Главный редактор: А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕР, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА [зам. главного редактора], Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18.01.82. Подп. к печ. 12.02.82. А03226. Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2223.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

БУДАПЕШТ. Центральный художественный ансамбль Венгерского коммунистического союза молодежи часто называют передвижной художественной мастерской. Молодые актеры, певцы, танцоры, чтецы выступают во многих уголках республики. Ансамбль существует уже более трех десятилетий. Комсомол Венгрии ведет большую работу по эстетическому воспитанию молодежи, является инициатором многих важных культурных начинаний. В стране сейчас действует свыше 4500 молодежных клубов, в результате движения за читающую молодежь каждый второй юный житель республики записан в библиотеку.

БЕРЛИН. Здесь прошел молодежный митинг солидарности с народом и молодежью Никарагуа. Его участники выразили горячую поддержку политике Сандинистского фронта национального освобождения. На митинге выступил координатор политической комиссии Национального руководства фронта Б. Арсе Кастаньо. Он рассказал о трудной борьбе народа Никарагуа в защиту революционных завоеваний, за глубокие социально-экономические преобразования в стране.

КАБУЛ. В Афганистане впервые проведен конкурс среди молодежи на лучший рассказ на тему «Почему я люблю родину». Этот конкурс был организован по инициативе пионерской организации и Союза писателей ДРА. В нем приняли участие свыше тысячи учащихся афганских школ. По оценке жюри, большинство работ, представленных на конкурс, отражает готовность афганской молодежи внести свой вклад в строительство новой жизни, в дело борьбы против врагов независимого и свободного Афганистана.

БУХАРЕСТ. В столице Румынии прошел конкурс молодежной политической песни. В заключительном его этапе приняло участие более 500 исполнителей — хоровые коллективы, вокально-инструментальные ансамбли и солисты.

МАДРИД. Здесь создана организация Молодежная платформа борьбы за мир и разоружение, в которую вошли представители восьми молодежных союзов страны, в том числе Союза коммунистической молодежи Испании. В распространенном заявлении указывается, что цель Молодежной платформы — вести борьбу в поддержку дела мира, разрядки и разоружения, за то, чтобы превратить Европу в континент мира и дружбы.

ПРАГА. Секретариат Международного союза студентов призвал все организации — члены МСС осудить необъявленную бактериологическую войну против Кубы, которую уже в течение нескольких лет ведет американское правительство. В последнее время преступные действия по распространению на территории Кубы отравляющих бактериологических веществ усилились.

МАПУТУ. Здесь состоялся очередной выпуск слушателей политико-идеологических курсов, на которых учились активисты Организации мозамбикской молодежи (ОММ) столицы и большинства провинций. В программе курсов особое внимание было уделено изучению марксистско-ленинской теории, истории партии ФРЕЛИМО, а также знакомству с деятельностью молодежных организаций стран социалистического содружества.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВАШИНГТОН. В соответствии с официальной статистикой около тридцати миллионов американцев живут за порогом бедности, попросту говоря — в нищете. Постоянно растет плата за жилье, а значит, все больше становится бездомных граждан США.

На снимке: еще одна американская семья осталась без крыши над головой.

ЛУАНДА. Молодежь Анголы ведет активную работу по выполнению решений первого съезда своей организации Молодежь МПЛА — Партии труда (ЖМПЛА), прошедшего под лозунгами «Необходимо полное единство молодежи с народом», «Оборона — труд — учеба». Молодые ангольцы работают и учатся, отражая непрерывающиеся акты агрессии расистов ЮАР против своей родины.

На снимке: демонстрация солидарности с освободительной борьбой народов Намибии и ЮАР, против агрессивных вылазок расистов Претории.

КОПЕНГАГЕН. В университете города Оденсе, одном из крупнейших высших учебных заведений Дании, организован курс лекций по русскому языку, истории и культуре Советского Союза. Введение этого курса, как считает университетский журнал «Нют», показывает рост интереса датских студентов к политической, экономической и культурной жизни СССР.

ЛОНДОН. Опрос общественного мнения, проведенный Национальным союзом студентов Великобритании, показал, что 84 процента английских студентов выступают против размещения на территории страны ядерного оружия. Данные опроса свидетельствуют также, что 66 процентов всех студентов поддерживают кампанию за ядерное разоружение и 60 процентов считают, что Великобритания не должна иметь собственного ядерного оружия.

ПАРИЖ. «Баллада Бобби Сэндса» — так называется пластинка, выпущенная журналом Движения коммунистической молодежи Франции «Авангард». Эту балладу, в которой рассказывается о трагической судьбе узника концлагеря Лонг Кеш, написали молодые поэт и композитор — коммунисты Франсис Комб и Эрве Фюшман. Пластинка выпущена, подчеркивает «Авангард», в знак солидарности с борьбой Ольстера за свободу и независимость.

САН-САЛЬВАДОР. Официальные органы информации сальвадорской хунты вынуждены признать, что только в столице в настоящее время насчитывается около ста тысяч безработных, значительная часть которых — молодежь. Как минимум 300 тысяч крестьян находятся в лагерях беженцев практически без всяких средств к существованию.

КАТМАНДУ. Молодежь Непала развернула кампанию по борьбе с неграмотностью среди взрослого населения страны. Студенты, учителя, учащиеся старших классов начали сбор средств для приобретения необходимых учебных пособий. В ближайшее время в стране начнут действовать 125 пунктов, где будут проходить ускоренный курс обучения несколько тысяч человек.

БЛЭКПУЛ. Молодежным движением Рок против расизма были организованы концерты для сотен молодых безработных англичан — участников марша протеста против политики тори. Выступления популярных рок-групп Великобритании стали частью кампании за право на труд.

ПЕКИН. Количество безработных в Китае приблизилось к тридцати миллионам. Каждый год около двадцати миллионов молодых китайцев пополняют рынок труда страны. Но, как свидетельствует официальная статистика, лишь шесть-семь миллионов из них имеют шанс получить какую-нибудь работу.

СИДНЕЙ. В последнее время в Австралии закрываются многие крупные предприятия. Сотни уволенных, в первую очередь молодежь, остаются без средств к существованию. Особенно резко растет безработица в сельских районах.

На снимке: молодые австралийцы требуют работы.

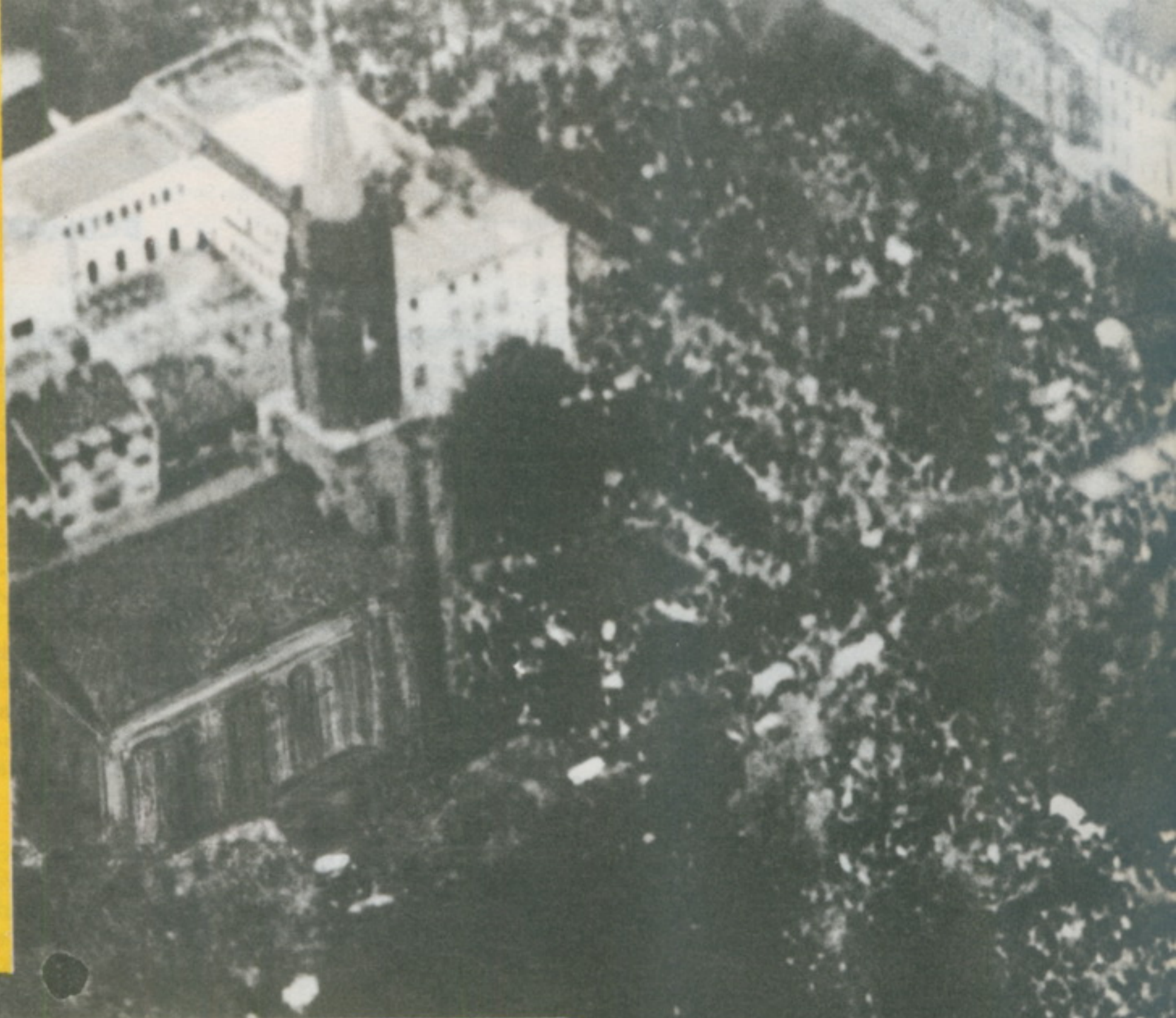

ХАНОЙ. По сообщению вьетнамского информационного агентства, за последние тридцать лет в Советском Союзе получили высшее образование более девятнадцати тысяч вьетнамских юношей и девушек. В настоящее время около 4600 молодых вьетнамцев учатся в 130 советских институтах и университетах.

ФРАНЦИЯ

АНГЛИЯ

ФРГ

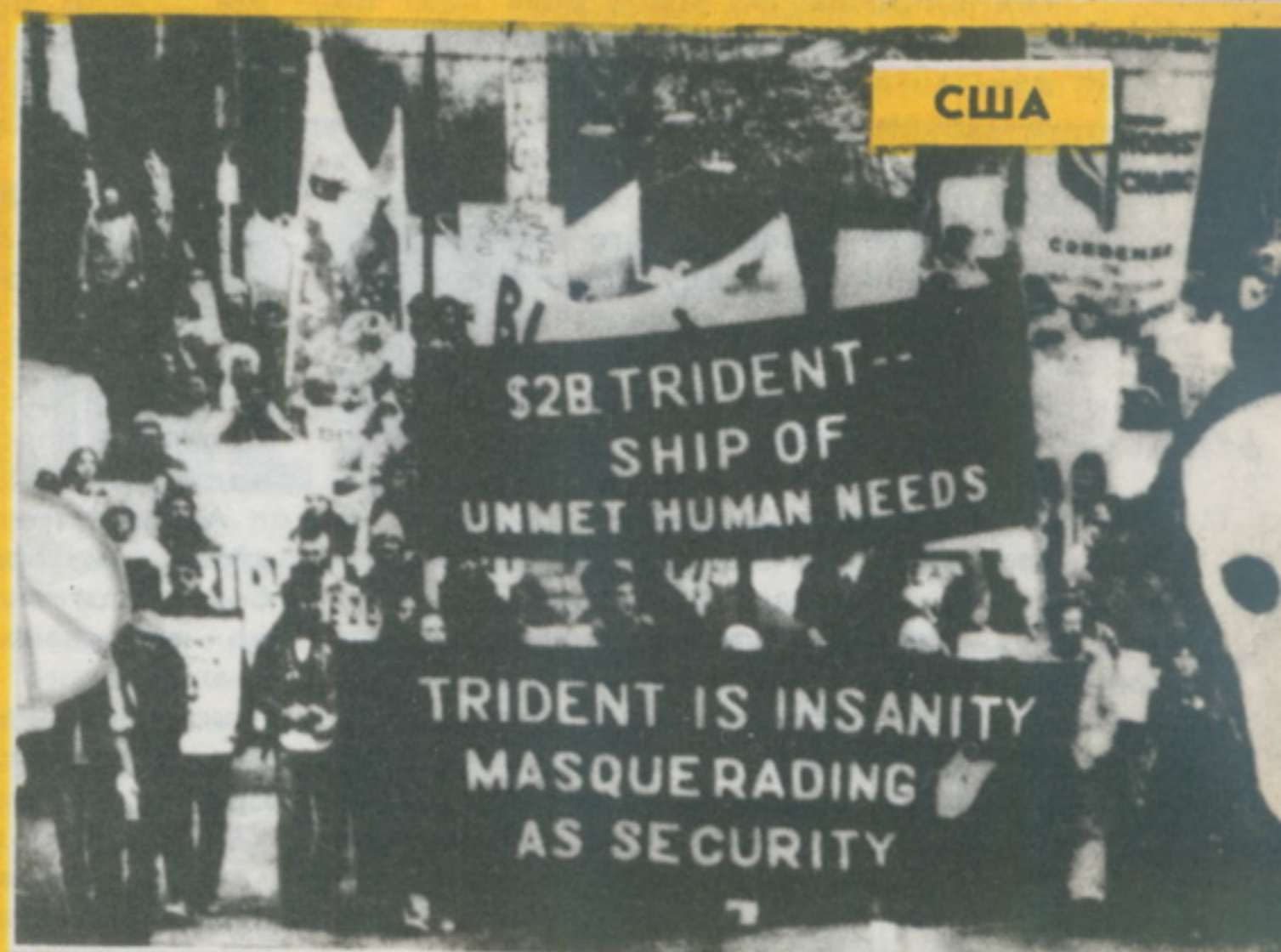
Смотрите!

Эти фотографии сделаны осенью минувшего, 1981 года, ставшего годом небывалого подъема борьбы народов за мир и разоружение. Столицы Европы буквально наводнили демонстранты, протестующие против попыток НАТО и Вашингтонской администрации превратить континент в арену опустошительного ядерного побоища. «Нет крылатым ракетам!», «Нет нейтронной бомбе!», «Нет росту военных бюджетов!» — требуют народы, глубоко осознавшие преимущества политики разрядки, добрососедства и сотрудничества.

Европа хочет мира. И это естественное желание тем сильнее и шире, чем безрассуднее призывы милитаристов, возглавляемых американским империализмом, к наращиванию гонки вооружений, чем упорнее попытки внушить людям страх перед мифической «советской военной угрозой».

Народы все лучше понимают: мир — общее достояние человечества, а в наше время и первейшее условие его существования — требует защиты, требует совместных усилий всех людей доброй воли. И тогда эта воля победит!

США

ГОЛЛАНДИЯ

Принято говорить, что наши времена самые худшие и наши времена самые лучшие.

Они самые худшие, потому что над миром нависла грозная опасность ядерной войны — страшной катастрофы, которая угрожает превратить нашу зеленую, дарящую жизнь Землю в холодную, покрытую пеплом, безжизненную планету, где не будет ни лепестка розы, ни травинки, ни капли воды, ни дыхания ребенка.

И одновременно это самые лучшие времена, потому что они обещают нам лучшую жизнь. Залог ее — безграничные творческие возможности человеческого ума и человеческих рук. Это самые лучшие времена, потому что сейчас народы могут сделать выбор между войной и миром, между бедностью и достатком, между справедливостью и угнетением. И главное, это самые лучшие времена, потому что соотношение сил в мире неблагоприятно для сил войны, для империализма.

Мы, американские коммунисты, не утверждаем, что мы эксперты во многих вопросах. Но когда речь идет об американском империализме, тут мы действительно эксперты. Этого зверя мы знаем изнутри, поскольку нам приходится жить и бороться внутри его, в его раздувшемся брюхе.

Можете поверить, что мы говорим вам истинную правду, когда утверждаем, что народ Соединенных Штатов хочет мира и дружбы. Однако империализм США — это самый ненасытный, самый кровожадный зверь, которого только знал мир. Хуже его ничего нет. Американский империализм — главная причина гонки ядерных вооружений. Это главный поставщик и главная опора всех реакционных фашистских и милитаристских режимов, партий и хунт где бы то ни было.

Могилы миллионов жертв повсюду в мире для нас, живых, — постоянное напоминание и страшное доказательство того, что империализм может менять свою тактику, но никогда не изменит своей кровожадной сути.

Как показывает жизнь, закон сохранения национального суверенитета гласит, что лучшее средство для защиты независимости той или иной страны — это ее независимая позиция. А худшее средство защиты независимости — это политика ползучих уступок силам империализма.

Пусть ни у кого не будет никаких иллюзий относительно американского империализма, его вооруженных сил или роли американских банков и многонациональных компаний, которые он представляет. У них у всех одна цель, одно стремление, одно мировоззрение. Они стремятся сохранить свое господство в мире, чтобы им было легче его эксплуатировать. Их единственная цель — выжимать миллиарды долларов из пота, крови и слез трудящихся повсюду в мире.

Из речи на фестивале Коммунистической молодежи Греции в Афинах.

Империализм США рассматривает весь мир как свою вотчину, а народы как своих вассалов. Средиземное море он считает бассейном для своих морских военных баз. В представлении американского империализма НАТО всего лишь логическое продолжение Пентагона, его военный аванпост. В Западной Европе он видит свою передовую военную базу. Ядерные ракеты развернуты на территории Европы, однако право решать, что ждет европейцев — жизнь или смерть, принадлежит генералам Пентагона.

В военных планах генералов США народы Европы всего лишь пушечное мясо, которое может быть уничтожено излучением нейтронной бомбы. Когда рейгановская администрация говорит о так называемой «ограниченной ядерной войне» или о «локальных ядерных конфликтах», она хочет этим сказать, что она планирует ограничить смерть и

САМЫЕ ХУДШИЕ, САМЫЕ

разрушение — массовое уничтожение — пределами Европы. В своих планах она намерена пожертвовать народами Европы. Цинично цитируя слова создателя нейтронной бомбы, представитель Белого дома сказал: «Очень жаль, что народы Европы живут в неподходящем месте».

Администрация Рейгана решила приступить к производству нейтронной бомбы, потому что эта бомба специально предназначена для уничтожения гражданского населения. Генералы Пентагона планируют, что когда они нажмут на спусковой крючок ядерного оружия, в тумане нейтронной радиации погибнут только европейцы.

Один американский контр-адмирал в припадке несвойственной ему откровенности сказал: «В первой и второй мировых войнах американцы сражались на территории Европы. Они рассчитывают и третью мировую войну провести на европейской земле».

В то время как американская пропагандистская машина сочиняет страшные истории о «советском экспансионизме», Пентагон лихорадочно строит новые военные базы в Израиле и Египте, в Омане и Саудовской Аравии, в Джибути и на острове Диего-Гарсия, восстанавливает военные базы в Кении и Бахрейне, в Сомали и бухте Гуантанамо, в Англии и Испании, в Италии и Японии, в Западной Германии, а также еще в пятистах важных пунктах за рубежом, причем большая часть их оснащена ядерным оружием. Так кто же виновен в экспансионизме и агрессии?

Американский империализм лихорадочно создает подводную систему «Трайидент», новый бомбардировщик Б-1, крылатую ракету, ракету «Першинг-2» и ракету МХ.

Однако военным маньякам кажется

недостаточным обеспечить США превосходство на суше, на море и в воздухе в виде возможности нанести первый ядерный удар. Им во что бы то ни стало хочется обеспечить американское военное присутствие еще и в космическом пространстве. Новый американский космический корабль многократного использования в основном предназначен служить челночным средством связи между американскими объектами в космическом пространстве и военной базой снабжения на Земле. Мало того, специалисты Пентагона сейчас заняты разработкой особого оружия для космоса.

Пропагандистское утверждение, что варварская нейтронная бомба — орудие геноцида — будет храниться в США, не должно никого одурачить, потому что пусковые установки для этой гнусной бомбы уже развернуты в Европе и американские войска, базирую-

щиеся в Европе, вскоре должны быть оснащены этим новым оружием массового уничтожения. Превращение Европы в бойню нельзя считать внутренним делом США.

Когда администрация Рейгана говорит о переговорах относительно ограничения стратегического вооружения и в то же время проводит политику создания ядерного военного перевеса над Советским Союзом, эти разговоры лишь лицемерное притворство.

Соединенные Штаты вступили на путь безумной гонки вооружений, включая новые научные достижения в области еще более разрушительного оружия массового уничтожения, чтобы обеспечить себе ядерное военное превосходство. Им кажется, что тогда они смогут вести переговоры с иллюзорной позиции «новой силы». На самом деле это лишь путь к тотальной катастрофе.

Любая американская база, где бы она ни была и как бы ни называлась, провоцирует катастрофу. Любая новая военная база США где бы то ни было — это аванпост, созданный для поддержки агрессивных планов американского империализма повсюду в мире. Подобные военные базы не могут ограждать национальные интересы какой бы то ни было страны или служить им.

Вследствие существования множества американских военных баз здоровье и жизнь европейцев поставлены в зависимость от глобальных военно-эко-

номических устремлений американского империализма.

Новая большая ложь империализма старается сделать невысказанное мыслимым и даже приемлемым, однако существует неопровержимая правда в отношении любой ядерной войны: в мире нет такого места, где можно было бы укрыться от ядерной войны; в ядерной войне не будет победителей, а будут только побежденные.

Многие миллионы американцев охвачены тревогой, потому что они начинают понимать, что США не являются безопасным убежищем от смерти и разрушения, которые повлечет за собой ядерная война, где бы она ни началась. Эта страшная истина порождает все новые массовые движения сопротивления рейгановской политике ядерной конфронтации и наращивания запасов оружия.

Новая милитаристская кампания тем более преступна, что людей мобилизуют на поддержку этого безумия с помощью большой лжи — мифа о «советской угрозе». Так называемая «угроза советской агрессии», опасность «международного терроризма» — это колоссальное надувательство, это кампания идеологической обработки лю-

Одурманив немецкий народ такой же большой ложью, Гитлер повел его на войну, которая унесла десятки миллионов жизней в мире, причинила человечеству несказанные страдания и разрушения. Сейчас большая ложь антикоммунизма и антисоветизма грозит взорвать весь мир.

Советский Союз внес более ста конкретных предложений о мерах по разоружению и упрочению всеобщего мира. Однако Соединенные Штаты до сих пор не реагировали ни на одно из этих серьезных предложений, направленных на обеспечение мира и разоружение.

Мне нравится социализм. Кому-то он не по душе. Но независимо от того, верит ли человек в социализм или нет, дело в том, что социализм не представляет, никогда не представлял и не будет представлять собой угрозу миру, Европе или США. Так называемая «советская угроза» высосана из пальца.

Войны и политика войн не выдумка злых людей. «Экссон корпорейшн» занимается добычей нефти не потому, что человечеству нужны бытовое топливо и газ. Она добывает нефть потому, что это дает ей огромные прибыли. А стремление корпорации

ние на жизненный уровень и качество жизни большинства американцев. Рейгановская администрация урезает, сокращает, уничтожает и кромсает социальные программы, которых наш народ добился в результате пятидесяти лет борьбы.

Администрация Рейгана использует мощный вес государственного аппарата, чтобы сломить забастовки и надеть кандалы на профсоюзы. Она отменяет все существующие законодательные ограничения против расизма. Число безработных в США по-прежнему превышает десять миллионов. Пятьдесят процентов нашей молодежи, принадлежащей к национальным меньшинствам, не только не имеет работы, но и не имеет надежды когда-либо получить ее. Инфляция продолжает возрастать и выражается уже двузначной цифрой.

Программа мероприятий Рейгана в области внутренней политики приводит к тому, что у бедняков и трудящихся отнимут то, что они имеют, и передадут это богачам и корпорациям, причем эта операция будет иметь масштабы, небывалые в истории США.

Итак, с нашей точки зрения, наши времена наихудшие, потому что Рейган развязал свое реакционное наступ-

ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА

дей повсюду в мире, осуществление которой поручено профессиональным лжецам.

Говоря об этой большой лжи, я озабочен не защитой Советского Союза. Он не нуждается в такой защите. У меня другая, двойная забота: во-первых, туман этой большой лжи используется для того, чтобы прикрыть преступную милитаристскую кампанию, заткнуть рот всякой оппозиции; во-вторых, он способствует распространению фальшивок и извращенного представления о реальном социализме. На протяжении более чем шестидесяти лет, со времени рождения Советского Союза и социализма, главный принцип и цель внешней политики США заключались в том, чтобы постараться обратить вспять, окружить, подорвать, блокировать и уничтожить социалистическое движение, и в первую очередь Советский Союз.

Если хотите знать, кто кому угрожает, возьмите обыкновенный циркуль. Проведите на географической карте ряд концентрических окружностей вокруг Москвы. Затем проведите с такими же радиусами окружности вокруг Вашингтона и сопоставьте результаты. Вы обнаружите, что в пределах окружностей, проведенных вокруг Москвы, находится примерно 250 американских военных баз, большинство из которых оснащены ядерным оружием. Однако вы не найдете ни одной советской базы в пределах окружностей, проведенных вокруг Вашингтона.

«Экссон» получить прибыль приводит к тому, что она хочет прибрать к рукам нефть в чужих странах, что, в свою очередь, приводит к политике агрессии и войн.

В Советском Союзе и других социалистических странах нет частных корпораций. Поэтому там нет и борьбы за получение больших прибылей для частных корпораций ни дома, ни за рубежом. В империалистических странах политика агрессии и наращивание военной мощи в поддержку такой политики представляют собой логическое продолжение борьбы за прибыли.

Таким образом, рассматривая вопрос о войне и мире, необходимо учитывать противоположные цели двух социально-экономических систем. Уничтожив частную собственность на средства производства, социализм выкорчевал у себя экономические, политические и социальные силы, которые неизбежно склоняются к политике агрессии.

Американский народ уже платит дорогой ценой за рейгановский внешнеполитический курс на агрессию, противоборство и наращивание военного потенциала. Стоимость этого курса только в долларах составляет невероятную цифру в 1 миллиард долларов в сутки. Наша экономика не в состоянии обеспечивать нам и пушки и благополучие одновременно.

Параллельно с гонкой вооружений Рейган и монополии повели наступле-

ние. Но они же и наилучшие, потому что мы наблюдаем небывалый подъем народных масс.

Повсюду на земном шаре капитализм переживает кризисы, он больше никогда не будет от них свободен. Капиталистический мир находится в состоянии хронического кризиса, который с каждым днем будет обостряться, приобретать перманентный характер.

Проблемы и опасности, угрожающие миру, серьезны. И, однако, наше время лучшее из всех времен. Возрастает мощь сил, которые двигают вперед революционный процесс во всем мире. Векания социального прогресса набирают силу.

Американский империализм настроен воинственно. Он пытается говорить жестко и твердо. Однако он становится все более и более изолированным от всего остального мира. Он вынужден маневрировать и отступать.

Наше время наилучшее из всех времен, потому что историческая истина состоит в том, что силы мира и прогресса могут одержать победу и они ее одержат.

Объединившись, народы мира могут претворить в жизнь мудрые слова древних пророков: «...И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы. И не поднимет народ на народ меча и не будет более учиться воевать».

Гэс ХОЛЛ,
Генеральный секретарь
Коммунистической
партии США

Нина ЧУГУНОВА,
Виктор УГЛИК (фото),
наши спецкоры

РАЗГОВОР О ВОЙНЕ

1. ДИДЬЕ ИРТРЕ

Он разыскал нас сам и представился:
— Меня зовут Дидье Иртре, мне девятнадцать лет, и я каменотес.

— Каменотес?

— Я закончил специальную школу, которая готовит различных специалистов для реставрации старинных городов. Ну, может быть, не совсем старинных, а просто уже ставших старыми. Оказывается, хорошие вещи быстрее старятся. Они красивы, наши маленькие города, но кое-где у них пооблупились стены, и черепица потрескалась, и пришла в негодность мостовая. А я отсываю камни для этих мостовых.

Он показал руками как. Раз, два!

— Красиво.

— Что? Красиво? Минутку, я сейчас отвечу.

Он хотел бы отвечать обстоятельно и точно. Всего лишь три месяца он занят своей работой: раз, два, и камень в мостовую укладывается на вечные времена. Может быть, это его настоящее призвание — укладывать камни. Иначе почему он и в жизни и в разговоре старается быть обстоятельным и точным?

— Отвечаю. Производило ли когда-нибудь впечатление что-то разрушенное? Скажем, разрушенный жилой дом? Да, если это касается туристов, любителей старины, то есть достаточно равнодушных людей. Они исследуют разрушенное с одной целью: узнать, когда было построено и долго ли разрушалось. Им всегда хочется, чтобы разрушенное насчитывало много веков жизни, прежде чем оно пало. И они не думают о том, что, возможно, они последние, кто видит это красивое здание не до конца разрушенным, не до конца погибшим. Или думают? Им кажется, что они присутствуют при движении времени. Или что сама вечность водит их ладонью, когда они касаются камней... Когда они касаются камней, отесанных когда-нибудь триста лет назад, они испытывают чувство, похожее на радость власти, хотя они-то бессильны восстановить! Я не прав? Но если я прав, то мое занятие действительно красиво. Я не люблю смотреть на обломки построенного. Я думаю тогда: кто строил, предвидел ли финал?

— Красиво восстанавливать разрушенное?

— Красиво это делать незаметно. Искать пошатнувшиеся камни. Предвидеть заранее опасность разрушения, незаметно для тех людей, которые по этим камням ходят на работу или в магазин. Они ходят, а твое дело — смотреть, надежна ли под их ногами кладка на земле. В Па-де-Кале очень много старых площадей. Пока я работал только в городе Лилле этого департамента. Я выхожу из дома в шесть сорок пять и иду пешком немного...

— До старой площади?

— До маленького грузовичка, ведь я живу в Аррасе, под Кале, это километров тридцать пять, наверное. В грузовичке мы едем работать.

— Искать пошатнувшиеся камни?

— Конечно, их ищет кто-то другой. Я хотел сказать, что это делаем мы все, наша бригада с предприятия Пэйо... И вот мы заканчиваем работу, и я смотрю, как она сделана, и вижу, что наша работа сделана красиво. Честное слово, я это вижу сразу. Даже кажется, что так было всегда. Мол, ничего страшного и не было. Еще век бы ходили. А тут при-

ехали эти, на грузовичке, поколупались, только проходим мешали, и уехали, кажется, ничего особенного не сделав. Оставили как было, а было прочно.

...Я представляю, что так будут думать, и у меня на душе становится хорошо. У меня появляется такое хорошее чувство... Тогда я начинаю мечтать. Что занимаюсь моей работой очень долго. И так, за работой, я объезжаю всю Францию, и уже не остается ни клочка мостовой, где я бы не поработал незаметно. И я хотел бы получить специальную бумагу, такой диплом, в котором бы было перечислено, сколько я всего навосстанавливал. Потому что незаметная работа того требует.

— А потом проехать по этим городам как турист.

— Тогда кто-то другой должен был бы чинить. Ведь нельзя навсегда починить и исправить. Кто-то должен строить, а кто-то это построенное беречь от разрушения.

— Беречь и от тех, кто разрушает. Дидье спросил:

— А вам не кажется, что они того? Те, кто разрушает, что они с приветом? На этом разговор закончился. Но по-

...НАШ ДОЛГ, ОСОБЕННО ПЕРЕД МОЛОДЕЖЬЮ, СКАЗАТЬ ВСЮ ПРАВДУ О ВОЙНЕ. НЕ ТОЛЬКО О ТРАГЕДИИ ПРОШЛОГО, НО И О ТОМ, ЧТО МОЖЕТ ОЗНАЧАТЬ ВОЙНА ЯДЕРНАЯ.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева во время визита в Федеративную Республику Германии

ВСТРЕЧА НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Ветеран минувшей войны с французской молодежью

В 12-м номере «Ровесника» за прошлый год рассказывалось о борьбе французской молодежи за право на труд, против безработицы. Герои рассказа — члены Движения коммунистической молодежи Франции (ДКМФ) встречались с корреспондентом журнала в минском лагере советско-французской дружбы «Юность». В этом номере читатель познакомится с размышлениями французских комсомольцев о войне и мире, о роли молодежи в борьбе против опасности новой опустошительной войны.

том оказалось, что он лишь прервался. На следующий день Дидье снова ждал у клумбы. Он был необычайно серьезен в этот ветреный день с катанием на теплоходе и с танцами на палубе. Ему показалось недостаточно рассказа о Дидье Иртре, чтобы рассказать о Франции.

— Я буду вас ждать у клумбы,— сказал он нам на трапе теплохода и пошел по лестнице к набережной торопливо.

2. НАДЯ, ЖАН-ПЬЕР, БРУНО...

С ними мы говорили о войне.

НАДЯ ЛУЛУ, 14 лет, ученица католической школы:

— Если войну не пережил, нельзя к ней относиться серьезно. Вы поймите меня: я не видела войны, как я могу ее представить по-настоящему? Правда, дедушка говорил, что когда он бежал из немецкого концлагеря, то он один при этом остался жив, а его товарищи погибли при этом побеге. Ну я пытаюсь представить себе много убитых людей,

я говорю себе: вот война. Мне становится страшно, но ведь вокруг войны нет. А мир? Его нечего представлять. Мир — это много счастливых людей. Они улыбаются. Если бы я была художником, я бы только так рисовала мир. Надо, чтобы люди поняли, что война, даже если она в прошлом,— это большое несчастье, потому что люди не могут быть счастливы совершенно, потеряв родных в войну. Например, мой дедушка, который потерял своих друзей. Но мои родители ничего не рассказывают мне о войне. Они молчат. Потому что они тоже ничего не видели. Как умирают люди? Мне становится страшно, когда я думаю, что ведь это происходит где-то сейчас. Вот сейчас, когда мы с вами разговариваем, ЭТО ПРОИСХОДИТ ГДЕ-ТО В МИРЕ.

— Что надо сделать, чтобы не было войны?

— Надо разоружиться. Я, то есть очень многие люди, я знаю, надеются на социалистические страны, на то что люди вашей страны, которые больше всего пострадали во второй мировой войне, не допустят новой войны. Это правда. Я тоже надеюсь. Но что могу сделать я? Одна — ничего. Я могу только ненавидеть войну. Но кому есть дело до того, что я ее ненавижу? Что же, выйти на улицу и кричать об этом всем?

ЖАН-ПЬЕР КУА, 19 лет, служащий:

— Надо считать, что нам повезло, что тридцать шесть лет не было войны.

БРУНО ПЕТИ, 18 лет, безработный:

— Я электрик, а сейчас мне даже нет смысла искать работу, потому что мне скоро в армию, а хозяин никогда не согласится взять такого, как я, с армией на носу. Но, между прочим, я не очень-то надеюсь и на то, что я найду для себя сносную работу, когда вернусь. Не очень-то надеюсь! Вот как я думаю. Может быть, для меня даже лучше остаться в армии и дослуживаться до офицера. В декабре уйду в армию. Хоть что-то. Перспектива. Проблема состоит в том, что, насколько я знаю, коммунист в армии не очень легко продвигается по службе. Так мне говорили. Но я никогда бы не отказался от своих взглядов ради карьеры. Я думаю, что часто война начинается оттого, что людям некуда пристроиться и они готовы нанять-

ся в армию как на работу, а что это за армия, им просто все равно. Так же никто из рабочих не интересуется, кто покупает «рено», которые они производят. Разве не так набирают наемников? Человеку нечего жрать, и он начинает убивать. Не сразу. Сначала ему многое внушают. Его хвалят. Потом он летит в какой-нибудь очередной Вьетнам, уже готовенький. Он не сумасшедший. Это потом они начинали сходить с ума. Я читал. От того, что они сделали. Война, даже маленькая,— она прежде убивает стреляющего, убивает человека, который должен научиться убивать. Я говорю о несправедливых войнах.

ПУЧИ СЕЛЬВИ, 17 лет, работница на ткацкой фабрике:

— Я подумала, что ведь иногда за мир приходится умирать. Если бы это потребовалось от меня — умереть, чтобы доказать свою любовь к миру... То есть к жизни. Да! Я думаю, что я сказала бы: да. Мне хочется так о себе думать.

БРУНО ПЕТИ:

— Это очень крайняя мера. Это уж если вообще ничего не остается делать, как только продемонстрировать свою готовность умереть. Но вообще-то надо, чтобы людей, которые хотят мира, было больше. Не надо умирать. Надо бороться.

НАДЯ ЛУЛУ:

— Я не хочу умирать! Я не хочу и к а к умирать, ни просто так, ни ради мира вообще, как вы говорите. Я хочу долго жить. Я думаю: что будет, когда не будет меня? Я готова всю жизнь рисовать счастливые лица. Ничего лучше нет. Только не умирать. Я не умею этого делать!

ЖАН-ПЬЕР ТОБМЕН, 21 год, безработный:

— Мой отец участвовал в войне в Алжире простым солдатом. Он говорит: война — это пустое дело. Он говорит, что ничего нельзя доказать народу, начав против него войну. Народ можно только убить... Но никому никогда не удавалось полностью победить народ. А ведь все войны — они против народов.

БРУНО СОЛИГУ, 21 год, безработный:

— Я считаю, что в последнее время дела в мире шли все лучше и лучше. Например, многие страны получили независимость. В то же время есть районы, где война может разгореться и перекинуться на другие страны. Значит, надо бороться не против войны вообще или «в принципе», и не быть «в принципе против войны», а бороться конкретно против войны в Ливане, например. Бороться против войны там, где ее навязывают людям, борющимся за свою свободу, независимость. Такая война — то, что происходит сейчас в Ирландии. Всем надо поддерживать освободительную войну народов, потому что, если эта война заканчивается победой народа, то народ начинает строить мирную жизнь и прибавлять силу миру. А если народ подавляют, то в этом месте планеты остается законсервированная война. Разве то, что происходит в Чили, не угрожает миру войной? Или, например, Ирландия. Люди умирают, а правительство молчит. Разве это не похоже на угрозу войны?

ЖАН-ПЬЕР КУА:

— Война — это обесценивание человеческой жизни. Когда мой отец говорит, что он чудом остался жив...

БРУНО СОЛИГУ:

— Я живу в Денене, в двухстах пятидесяти километрах от Парижа. Для того чтобы попасть на антивоенную манифестацию в Париж, мне надо заплатить в фонд организации манифестации, так у нас заведено, около восьмидесяти франков. Мы собираемся организованно и нанимаем автобус. Мы проходим потом по улицам Парижа. Мы проходим на глазах всего Парижа... К кому обращаемся? Ко всему Парижу. Или ко всему миру? Нет, к Парижу. Французы должны видеть и понимать нас. Когда кто-то из нас переодевается, изображая помешанного поджигателя войны, он высмеивает его в глазах парижан и французов. Чтобы французы смеялись и негодовали. Если вы меня поняли, борьба за мир заключается в сплочении сил мира независимо от того, как далеко от страны находится то, что все называют очагом войны. Мы ведь все представляем, что перед войной существования ничтожны.

3. И СНОВА ДИДЬЕ ИРТРЕ

Дидье Иртре не слышал этих слов. Днем, после речной прогулки, он ждал у клумбы. Он продолжил разговор, буд-

то он не прерывался. Но он уже не говорил о своем прекрасном ремесле предвидеть опасность разрушения старых мостовых...

— Однажды мы отправились в путешествие, я и родители. У нас машина «Пежо-304». Мы оказались в Польше. С нами была моя тетька, полька по происхождению. И вот в один из дней мы оказались у бывшего концлагеря. На этом настаивала тетька. Конечно, я что-то знаю о войне. Я читал об этом в книгах и знал, что мой дед во время войны был в Германии в «трудовом лагере» и что его освободили русские. Но я никогда прежде не думал о войне как о реальной опасности. Сначала нам показали фильм об этом лагере. Потом повели на экскурсию. Хотя слово «экскурсия» неподходящее слово, когда показывают газовые камеры и бараки. Везде была чистота. Ужасный музей. Мои родители молчали. Все это было страшно. Мне было страшно, и я подумал, что раньше мне никогда не было страшно, потому что, когда в детстве боишься темноты или чего-то такого, это не значит, что испытываешь страх, который испытывал я в чистых газовых камерах. Когда мы вышли, мне казалось, что мои родители смотрели на меня. Моему отцу было шесть лет, когда началась война, но считается, что он войну пережил, потому что он мог умереть в этой войне. Я потом долго разбирался в том, что я почувствовал. Мне кажется, что теперь я понимаю, что такое война.

— Что такое война?

— Это разрушение планеты.

— В мире время от времени происходят войны.

— Значит, происходит частичное разрушение планеты. Кто-то строит, а кто-то разрушает. Я сказал, что разрушающие — идиоты. Но так рассуждать просто. Это люди, сознательно разрушающие планету. Я разговаривал с одним из таких людей, которые не видят ничего страшного в новой войне.

— Это был старый человек?

— Это был мой одноклассник! Его зовут Паскаль. Вот что страшно.

— О чем вы разговаривали?

— Сначала просто так, поскольку мы встретились как товарищи. Но когда я стал рассказывать ему о том, что видел в этом бывшем лагере, я увидел, что Паскаль настоящий милитарист, что он увлечен идеей войны, как будто это может стать хорошей работой. Я попробовал с ним нормально поговорить, но сразу понял, что мы не в состоянии нормально разговаривать как школьные товарищи и что не смогу его разубедить, если войну можно считать убеждением, а не умопомешательством. Я тогда просто ушел, хотя мне казалось, что если бы я долго старался, то мне бы

удалось что-то сделать. Потому что война существует прежде, чем она начинается. Она нуждается в сторонниках. Я убежден, что если бы всех людей провести по баракам бывших концлагерей, то войны бы не было — не было бы людей, которые служили бы этой идее.

— Что нужно сделать, чтобы не было войны?

Дидье стал думать.

— Здесь, в вашей стране, я видел Хатынь, и я снова начал об этом думать, и я решил, что главная сила в борьбе за мир — это молодежь. Потому что, например, моим родителям не надо ничего объяснять. В нашем доме постоянно об этом говорят. До сих пор я сам ничего не делал, что можно было бы назвать борьбой. Сейчас я считаю, что одних убеждений или, так сказать, не любви к войне мало, потому что в мире существуют бомбы. Раз они существуют, значит, есть люди, которые их производят и которые допускают мысль, что эти бомбы начнут действовать. Раньше я слышал, что нельзя допустить новой Хиросимы. Сейчас я сам так думаю. Это мой большой шаг вперед. Это много для меня и мало для мира. Я готов выпускать нужные листовки или рассказывать об этом нацистском концлагере или о том, что мне рассказывал мой дед. Нужно всем молодым людям хорошенько организовать и просить свои правительства выступить против войны.

— Просить правительства?

— Нет, я сказал неправильно. Надо требовать. Надо снова пройти маршем через много стран и требовать. Здесь я услышал, что войну во Вьетнаме прекратили люди мира, которые объединились затем, чтобы требовать ее прекращения. Я не уверен, что такого требования достаточно для того, чтобы сделать что-то существенное для мира. Это только один поступок, и им можно гордиться. Но в то же время кто-то думает о войне как о карьере, потому что никто не объяснял ему, что это такое. Я видел в кино, как разрушается от взрыва здание...

— Мы собирались говорить о Франции.

— Конечно, — сказал он. — Разве мы говорим не о Франции? Я должен был сказать, что Франция — красивая страна? Я только думаю: зачем мне эта бумажка, диплом, где будет написано, сколько улиц и старых площадей в Па-де-Кале мы проехали, их починив? Зачем мне это письменное подтверждение, если...

— Что?

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо за разговор. Я тут еще посижу, у этой клумбы, если можно. Я подумаю. Бумажка. Нет, это невозможно.

На этих снимках — начало и конец. И так было не раз: самоуверенное начало и горький трагичный конец. Так было и будет, покуда есть силы, которым выгодны войны, которые наживаются на убийствах, на захвате чужого, на эксплуатации других. Так было и будет до тех пор, покуда этим силам удастся купить, обмануть, заставить миллионы молодых людей растрачивать свою молодость, губить свои жизни ради империалистов.

Не всякий солдат достоин вечной памяти, благодарности и славы. Эта истина лучше, чем кому-либо, понятна советским людям, воздающим великие почести солдату-освободителю, солдату — защитнику Отечества и родного народа. В материалах этого номера рассказывается о судьбах других солдат — тех, что вторгались непрошеными в чужие земли, убивали невинных людей и умирали сами, одураченные лживой пропагандой, купленные грязными деньгами, вынужденные обстоятельствами. Воспользовавшись их молодостью, силой, сноровкой, империализм руками обманутых парней в солдатской форме вершил и пытается вершить свое черное дело, свои агрессивные замыслы.

Но приходит прозрение. Рано или поздно. Обман раскрывается.

В начале 1945 года лишь фантазеры могли еще верить в победу Германии. Тем не менее такие, верившие в чудо, еще были. Лозунг пропаганды гласил: «Победа или рабство!» На уцелевших стенах можно было прочесть: «Стены рушатся, наши сердца не дрогнут!» Краска была свежей. На западе союзники подходили к Рейну. На востоке Красная Армия вышла на Одер.

Вальтера и его товарищей по «гитлерюгенду»¹, подростков 14—16 лет, учили: «Рейх вечен». Пришел их час спасти рейх — их призвали под гитлеровские знамена. И они пошли...

Макс Ротхакер, Беппо Браун, Вальтер Эндрих и Вернер Дреус примкнули к остаткам какого-то отряда. Вопросов им не задавали. Командир роты видел в них желанное подкрепление. Он дал им винтовки и распределил по взводам в качестве связных.

Это было то, что надо. Они защищают фатерлянд.

...По одну сторону улицы были дома, по другую — косогор, деревья, кустарник. Вся четверка сбилась в кучку. Им говорили, что для борьбы с танками лучше рассредоточиться. Они это знали, но все равно сбились в кучку.

Вот они пошли — танки! Лязг гусениц и рев двигателей доносились с другого конца городка. Подростки придвинулись поближе друг к другу.

Справа за перекрестком начинался лес. Там затрещали выстрелы. Быстрые очереди своих пулеметов и медленные, тяжелые — французских крупнокалиберных.

Втянув головы в плечи, они сидели в кустах. Танков все не было. И тут из пекарни напротив вышел булочник. Торопливо оглядевшись, он перебежал улицу и поднялся на косогор, прямо к четверке.

— Вы спятили? — прошипел он. — Смывайтесь отсюда! Вот-вот здесь будут французские танки.

— Далеко они, господин Бергер? — спросил самый маленький, Вернер Дреус. Он был рад знакомому лицу. — Что вообще новенького?

Они знали булочника и слышали, что он не в восторге от режима. Каждому, кто, входя в его лавку, говорил: «Хайль, Гитлер!» — он отвечал подчеркнuto: «Привет!» Многие удивлялись, почему его еще не забрали.

Бергер, не отвечая Вернеру, схватил за ворот того, кто был ближе, Макса Ротхакера.

— Вы, богом обиженные! Если не уберетесь сию минуту, я за себя не ручаюсь. — Он сильно потрянул Макса. — Думаете, мы дадим вам устроить тут тарарам? Дудки. Валяйте отсюда!

Ротхакер схватился за карабин.

— У нас приказ держаться до темноты, понятно? Это вы убирайтесь. Ну! — Таким тоном командовали в

Их бросили на верную смерть в самом конце войны, 14-, 15-, 16-летних юнцов. На смерть бесполезную, бессмысленную, нужную гитлеровской верхушке лишь для того, чтобы хоть на немного продлить свое гнусное существование. Многие погибли «во имя фюрера», так и не успев прозреть. Иные из выживших не прозрели по сию пору и вместе с недобитыми нацистами старшего поколения пытаются заразить западногерманскую молодежь коричневой чумой. Иные стараются просто «забыть все» — бесславы конец гитлеризма, собственный страх и позор. Но многих неотступно преследуют мучительные вопросы, которые они задают себе сами и которые задают им их дети.

«Почему ты был в «гитлерюгенде»!» Так назвал свою книгу западногерманский писатель Хорст Бергер. Обращаясь к своим юным согражданам (что подчеркивается подзаголовком «Четыре вопроса к моему отцу»), он в беллетризованной форме размышляет над судьбой своих сверстников, которым, как и ему, в сорок пятом было шестнадцать.

В публикуемой отрывке действие происходит в последние дни войны на Западном фронте.

«МЫ СПАСАЕМ»

«гитлерюгенде». — Кругом, шагом марш! Не то влею как следует!

Бергер поперхнулся:

— Ты мне угрожаешь, сопляк? Да я тебе...

Он бросился на Ротхакера. Грохнул выстрел. Бергер закатил глаза и, издав мучительный стон, судорожно схватившись за живот, рухнул в кусты.

Из леса продолжал долетать грохот боя, танки, судя по звукам, были совсем близко. Подростки оцепенело глядели на неподвижную фигуру на земле. Наконец Беппо Браун потрогал лежащего за руку. Бергер не пошевелился. Беппо перевернул его на спину и всхлипнул.

— Мертвый. Ты его застрелил, Макс... Но ты же не нарочно. Ты не хотел...

Макс был бледен как мел. Он уставился на неловко подвернутую ногу булочника. Потом недоуменно повел глазами и бросился бежать. Остальные молча подобрали оружие и двинулись следом. Они слышали, как позади зарыдала женщина. Они не обернулись.

На перекрестке они увидели раненого. Он сидел на велосипеде, положив забинтованную ногу на руль. Трое пожилых солдат поддерживали его и толкали велосипед.

— Эй вы, а для меня война уже кончилась! — крикнул раненый Вальтеру и его друзьям.

Никому не показалось странным, что

одного раненого сопровождают в тыл трое здоровых. Дезертиры, ясное дело. Всего год назад такое невозможно было бы себе представить.

Утро застало их в небольшой деревушке. Противник расположился в соседнем селении. Поговаривали, что французы получили подкрепление. Командир взвода вернулся из штаба. «Взвод, стройся!» Команда прозвучала для Вальтера как приговор. Их очередь. Им идти в атаку. Взводный Беккер командовал: «За мной!»

Они перезарядили карабины и зашагали по улице. В сторонке стояло несколько старых ополченцев. Они проводили молодежь долгим взглядом и не перемолвились ни словом, но Вальтеру почудилось, что кто-то сказал: «Бедняги...»

Взводу Беккера было приказано выбить французов с высоты, откуда они простреливали часть улицы. Настоящих солдат у Беккера — по пальцам перечесть. Все больше зеленъ да старики.

— Взво-о-од, вперед!

Подняв автомат, взводный полез на кручу. Вальтер и Макс карабкались за ним.

— Держать дистанцию! — орал Беккер. — Рассредоточиться и за мной! За мной! — Он размахивал автоматом, словно посылал в бой целую армию. Но за ним были только Вальтер и Макс. Остальные куда-то подевались.

¹ Фашистская организация, в задачу которой входило внедрение идеологии нацизма в молодежную среду. — Примеч. ред.

ФАТЕРЛЯНД»

В наступивших сумерках автомат Беккера выплевывал снопики огня. Вальтер прижался к дереву и, не целясь, выстрелил. Руки дрожали. Перезаряжая карабин, он слышал, как колотится его сердце. Оказаться бы сейчас дома! Все на свете бы за это отдал!

Пули так и свистели. Вальтер вжался в землю. Голос взводного заставил его подняться. «Вперед! За мной!» Он увидел Макса. Пошли рядом, спотыкаясь, падая, выплевывая землю. Наткнулись на двух стариков ополченцев. Те прятались за пригорком. Оружия при них не было. Вальтер услышал, как один из них сказал Беккеру: «У нас куриная слепота». — «Мерзавцы!» — выругался взводный и двинулся дальше.

Совсем стемнело. До гребня высоты оставалось совсем немного. Пулемет бил где-то рядом. Вальтер Ендрих потерял из виду взводного и тут же услышал: «Где вы, Ендрих? Ко мне!»

На этот раз страх пересилил слепую покорность. Вальтер продолжал лежать. Он стиснул зубы, больше всего хотелось заткнуть уши. Внизу кто-то стонал, звал санитаров. Вальтеру мерещилась жуткая картина: на него надвигаются полчища солдат. Что же делать, стрелять или сдаться?

Что-то катилось сверху прямо на него. Ручная граната? Он втянул голову в плечи и зажмурился, ожидая взрыва. Вот, вот... Но это кровь стучала в вис-

ках. «Господи, если ты существуешь, помоги мне! Дай выбраться отсюда, и я никогда больше ни о чем тебя не попрошу».

И как это он мог рваться на войну? Какое ему дело до этой проклятой войны? Кому выгодно, чтобы они сейчас околели? Фатерлянду? Народу? Он не знал. Он, Вальтер Ендрих, отныне был отчислен из героев. Герой из него не получился.

Французы убавили огонь. А может, так только казалось, потому что он, потихоньку пятясь, вылез из-под обстрела. Сползая вниз, он чуть не насел на санитаров.

— Помочь? — спросил Вальтер, только чтобы что-нибудь сказать.

— Ему уже ничем не поможешь, — проворчал санитар, не оборачиваясь. — Готов. Один из ваших. Макс, что ли...

Вальтер заставил себя протянуть руку и отпрянул. На том месте, где должна была быть голова, ничего не было. Рука нащупала что-то теплое и кашеобразное. Вальтеру так сдавило горло, что он испугался, что задохнется.

Стрельба неожиданно прекратилась. Санитар помог Вальтеру спуститься к улице. Там собрались те, кто уцелел, жалкая горстка. Вальтер сидел на корточках на обочине и машинально тер

о траву запачканную в крови ладонь, словно хотел стереть жуткие воспоминания. Отныне его цель была выжить. Он стал присматриваться к старым, опытным солдатам. Они каким-то шестым чувством узнавали, где можно перехватить поесть и откуда грозит опасность.

...Посреди лужайки стоял дуб. На его корявом суку висели два ополченца. Те, кто это сделал, воспользовались обычной бельевой веревкой. На груди у повешенных таблички: «Я трус и бросил своих товарищей в беде! Плюньте мне в лицо!»

Взвод быстро прошел мимо.

— Это, наверное, поработало СС, — сказал санитар Вальтеру. — В Литве я видел целую аллею вот таких же. На каждом дереве. Накануне там прошли эсэсовцы. Не дай бог оказаться у них на пути.

И тут они увидели двух эсэсовцев. Те стояли в кустах и разглядывали в бинокли деревушку, которая лежала в низине. Один, шарфюрер, внимательно осмотрел группу. С автоматом через плечо и сигаретой в зубах он выглядел палачом, который высматривает себе дело. Обыкновенное дело — кого бы убить, такое же обыкновенное, как колоть дрова или завинчивать гайки.

— Эй ты! — окликнул он Вальтера. — Ты что, записался в пенсионеры? Пойдем с нами! У нас не протухнешь. Мы сейчас взорвем вон тот мост и догоним своих.

Вальтер в нерешительности остановился. Второй эсэсовец выплюнул окурок.

— Парни вроде тебя у нас не пропадут. Из тебя еще выйдет толк. Пошли с нами! И жратва у нас, кстати, что надо!

Санитар потянул Вальтера за рукав.

— Я лучше останусь с моими товарищами, — сказал Вальтер и двинулся дальше.

Шарфюрер отвернулся и процедил:

— Катитесь отсюда, недоделанные!

— Благодарю создателя, мальчик, что на этот раз пронесло, — заметил санитар. — Обычно они не церемонятся.

В два часа ночи их подняли по тревоге. Связной принес приказ о контр-наступлении. Взвод Беккера возглавил колонну.

Вальтер испытывал неприятное ощущение в области желудка. Он повернул голову. Беппо и Вернер шагали рядом. Они кивнули ему. После смерти Макса друзья держались вместе.

Вальтеру вспомнилась последняя речь Геббельса, обещавшего коренной поворот в войне. Армия вот-вот получит чудо-оружие, и немецкие дивизии пойдут в последний бой, как на вечернюю мессу. Однако то, что происходило, нисколько не напоминало церковную службу.

Внезапно в ушах зазвенело от грохота и свиста. Стреляли со всех сторон. Каска гудела, как колокол. Вальтер ощутил, как страх парализует его конечности. Люди бросились в придорожные кусты.

Дальше взвод двигался с предельной осторожностью. Убитых встречалось все больше. Многие лежали в лужах крови. Это были немецкие солдаты. Вальтер шел за лейтенантом. Вдруг взводный резко пригнул его к земле. В ближайшем палисаднике показались каски двух французов. Беккер дал очередь из автомата, но французы успели исчезнуть. Вальтер тоже выстрелил на всякий случай. Неожиданно он увидел, как в доме напротив кто-то выставил оконную раму и приготовился стрелять. Вальтер, не раздумывая, спустил курок. Фигура в окне обмякла и сползла вниз. Руки убитого свесились через окно и раскачивались, словно у куклы. Вальтер трепетал от страха. Он взглянул на лейтенанта Беккера. Но тот, казалось, ничего не заметил. Он убил человека. Убил человека. Эта мысль была словно гвоздь, который Вальтеру вогнали в грудь. Но у него не было времени на угрызения совести. Только страх. Пронзительный, острый. Пули свистели над головой.

Беккер собрал взвод у колодца. Двенадцать человек.

— Где остальные? — спросил он.

Кто-то сделал неопределенный жест, который должен был означать: «Лежат

тут где-нибудь». Появился Беппо Браун. Лицо его было серым.

— Вернера Дрекса зацепило, — тихо сказал он. — Мы с санитаром отнесли его в лазарет.

— Как он? Есть надежда? — негромко спросил Вальтер. Ему было как-то неловко интересоваться судьбой одного, когда так много убитых и раненых. Беппо пожал плечами.

— Ранение в живот, — сказал он нарочито бодро.

Вскоре они выступили. Повсюду были следы боя. Поперек дороги стоял подбитый французский броневик. Они обошли его с двух сторон.

Старый обер-ефрейтор Янковитц ворчал:

— Надо куда-нибудь мотать отсюда. Если налетят истребители, спрятаться будет негде. На этой дороге можно скосить целую дивизию.

Он оказался прав. В небе послышался гул и появилась дюжина штурмовиков. Они проходили на бреющем полете, а потом поднимались выше и сбрасывали бомбы.

Вальтер бежал вслед за обер-ефрейтором и Беппо. Впереди был небольшой пруд, там можно спрятаться в кустах на берегу. Позади слышались крики, ругательства, стоны. До пруда

оставалось несколько метров. Боже, помоги! Вальтер задыхался. Где-то сбоку лаяла зенитка. Но самолеты с красно-бело-голубыми квадратами на борту, казалось, были неуязвимы. Они заходили для новой атаки.

— Внимание, сзади! — крикнул кто-то. Вальтер кинулся на землю. Падая, увидел, как Беппо отбросило в сторону, будто порывом урагана. Вальтер поспешил к товарищу. Вернее, к тому, что от него осталось...

И вновь самолеты. Вальтер лежал и глядел на растерзанное тело. У него все плыло перед глазами. Его сковал липкий ужас.

Он не знал, сколько времени прошло. Когда пришел в себя, вокруг было тихо. Уцелевшие ополченцы медленно собирались в одном месте, некоторые тупо жевали то, что успели где-то раздобыть. Лейтенант Беккер и санитар подвели к Вальтеру.

— Война есть война, — пробормотал Беккер и отрешенно уставился в пустоту. — Мы слишком долго побеждали. Теперь их очередь.

— Беппо погиб, — сказал Вальтер и удивился своему спокойствию. — Я последний из нашей четверки. А вы как ни в чем не бывало заявляете: война есть война. Как может нормальный че-

Бункер построен из серых шлакоблоков и оцеплен колючей проволокой. Внутри темно, как в тюремной камере. На стенах фотографии «опасных террористов». Летом здесь адская духота, зимой холодно. Это НП — наблюдательный пункт в Белфасте. Часовой, английский солдат, смотрит в узкую щель. Он не отрывает глаз от улицы четыре часа подряд. Ему нельзя читать, слушать радио, сидеть. Он должен неотрывно следить за улицей. «В случае контакта», как выражаются здесь, то есть в случае необходимости действовать, он использует «пулемет общего назначения». Для английского солдата в Северной Ирландии наряд в бункере — самый нудный и бессмысленный вид службы.

Однажды ночью часовой в бункере Эдвард Мэггс сошел с ума. Он снял автомат с предохранителя и открыл

огонь по своим. Был убит сержант и тяжело ранен один из солдат. В течение двадцати минут Мэггс поливал из автомата двор казармы. По подразделению объявили боевую тревогу. Мэггса удалось «нейтрализовать».

Почему Мэггс сошел с ума? Подробности происшествия, наверное, так и останутся тайной. И все же по заданию газеты «Обсервер» мы едем в Северную Ирландию и знакомимся с условиями службы английских солдат.

За две недели до нашего приезда во время утреннего патрулирования улиц в Дерри был убит лейтенант Стефен Кэрби. В шесть пятьдесят пять он стоял под уличным фонарем на Дакре Террас, когда из темноты вышел человек и сделал единственный выстрел. Кэрби упал. Солдаты из его наряда рассыпались по району в поисках стрелявшего. Безрезультатно.

— Вокруг были дети, и они все видели. Но разве они скажут, — вспоминает сержант Эллинхэм. — Ничего, кроме проклятий, от них не дождешься. Самое худшее — патрулировать здешние улицы по ночам, когда закрываются кабаки. Всегда найдется такой, что прет напролом и ни за что не уступит дорогу. После того как убили Стефена, мне трудно сдерживать ребят. Здешняя работа все равно что война. Только одна рука связана за спиной.

«Работа» английских солдат в Ольстере подразделяется на два основных вида: патрулирование и дежурство на НП. Две трети всех нарядов приходится на бункер. Многие солдаты «работают» от 118 до 130 часов в неделю. Но все же главная особенность их службы — долгие, изнурительные часы досуга. Солдаты покидают территорию части только на время патрулирования. За время

ловек примириться с этим, не сойдя с ума?

— У тебя расшатались нервишки, мальчик,— сказал ему санитар.— Где-то у меня были таблетки.— Он порылся в карманах.

— Я солдат.— Беккер сделал неопределенное движение рукой.— А это все в придачу... Чтобы ты правильно меня понял... Я не нацист. В нашей семье все мужчины по традиции становились офицерами. Если бы у меня была другая профессия... Но я солдат. Я ничему другому не учился. За это теперь и расплачиваюсь. В жизни за все надо платить.

— Мне все осточертело,— сказал Вальтер Ендрих.

Вечером они вошли в деревню, где собрались остатки роты. Было много раненых. А ночью их опять подняли по тревоге. Никто не знал, куда и зачем они идут, где противник и надежно ли охраняются фланги. Вскоре их обстреляли. Они долго лежали, не поднимая головы. Лейтенант Беккер повернулся к Вальтеру и прокричал:

— Надо уходить! Попробуем справа, короткими перебежками. Сначала я, потом ты. Понял?

Вальтер хотел передать команду по цепочке, но сзади никого не оказалось.

Беккер быстро скатился по откосу и исчез в кустах. Страх опять всей тяжестью навалился на Вальтера. Разум подсказывал, что глупо подниматься и подставлять себя под пули. Однако мысль о том, что он может остаться здесь совсем один, заставила его вскочить и отпрыгнуть в сторону. Он с удивлением понял, что пули его не задели.

— Сюда, Вальтер! Сюда! — услышал он голос Беккера.

Несколько секунд они лежали рядом, не двигаясь. Потом побежали, все дальше и дальше углубляясь в лес. Забрались в чащу, расстелили плащ-палатки, рухнули на них и почти тотчас уснули. Утром они проснулись от холода. Солнце с трудом пробивалось сквозь кроны. Вальтер увидел свой карабин, и его охватила злость. Он поднял его и с силой забросил далеко в кусты.

— Правильно,— одобрил Беккер.— Гранаты и патронташ тоже выбрось.

Вальтер удивленно поглядел на лейтенанта.

— Ну да. Ведь война проиграна. Ничего не поделаешь.— Он развернул карту.— Будем пробираться. Попробуем идти все время лесом и добывать пропитание на крестьянских дворах.— Он бросил в заросли автомат. Пистолет оставил.— В плен я не сдамся.

К полуночи они вышли из леса и забрались в ближайший двор. Ощупью двинулись вдоль забора, пока не набрали на сарай. Влезли на сеновал. В желудке урчало от голода, но тепло и ощущение крыши над головой сморили их, и они быстро уснули.

Утром их разбудили громкие крики. Они выглянули во двор. Повсюду снова люди в оливковой форме. Несколько французов допрашивали какого-то человека, наверное хозяина дома: «Где немецкие солдаты? Где наци?»

Тот пожимал плечами: «Нет никого, нет наци!»

Вальтер увидел, как Беккер вытащил пистолет и стал забираться поглубже в сено. Вальтер попытался сделать то же самое, но в другом углу. Он ощупал стену. Доски слегка подались. Вальтер протиснулся в образовавшуюся щель и очутился в темном закутке. Сердце колотилось так громко, что он испугался: услышат. Зашуршало сено. Французские солдаты, переговариваясь, шуровали вилами, пока не нашли то, что искали. «Бросай оружие!» И Вальтер услышал голос Беккера: «Не стреляйте! Сдаюсь!»

Перевел с немецкого
Евгений БОВКУН

ПОЧЕМУ МЭГГС СОШЕЛ С УМА?

Том ДЭВИС,
английский журналист

поездки по Северной Ирландии мы выслушали не одну жалобу на «смертельную скуку» армейской жизни.

Нам довелось побывать в одном из бункеров, стоящих на границе с Ирландской Республикой. Пухлые снежинки кружились и мерцали в свете фонарей. В бункере было темно и сыро. Тони Джонс нес дежурство. Он смотрел в телескоп ночного видения. Рядом были прибор корректировки стрельбы, автомат и пулемет общего назначения. Тони пожаловался, что за последние четыре месяца ему так и не представилось случая пострелять.

— Эта работа измучила меня,— говорит он.— Я думаю обо всем на свете: о любимой команде по регби, об ирландцах... Нет, я не питаю к ним вражды. Но очень тяжело смотреть всю ночь на мелькающие фары. Между двумя и шестью утра нет даже машин.

И все это время ты стоишь на цыпочках и смотришь, смотришь...

На следующее утро мы побывали на военной базе в Пиджери Ридж. Стены, ограждающие территорию базы, были исписаны лозунгами: «Британцы — вон!», «Разнести Эйч блок!»¹ Пиджери Ридж патрулируют четыре раза в день. Зевать не приходится: от солдат требуют примечать каждую мелочь, даже столь незначительную, как количество бутылок молока на пороге дома. Солдаты шарят по садам, заходят во дворы, но жители уже не обращают на них внимания — они привыкли, и даже дети не устаивают их взгляда, продолжая есть мороженое.

¹ Отделение для «особо опасных заключенных» в тюрьме Мейз. См.: «Ровесник» № 9 за 1981 год.— Примеч. ред.

Когда в школе кончаются занятия, дети, все в одинаковых голубых курточках с серыми меховыми воротниками, собираются на одном из холмов и бросают в проходящих английских солдат бутылки, камни, железки. В Ольстере солдат ненавидят все — от мала до велика. Бессмысленная служба: в многочисленных беседах ни один из солдат не отозвался о ней положительно.

За время нашей командировки, всего за месяц, еще два английских военнослужащих сошли с ума. Почему? Я думаю, не нужно обладать хорошим воображением, чтобы ответить на этот вопрос. Достаточно представить службу английских солдат в Ольстере, чтобы понять, почему Эдвард Мэггс поднял автомат и начал стрелять...

Перевел с английского
А. БЕНЮХ

Я медленно бреду к берегу моря. Зачем? Мне бы бежать туда, к правительству, к высшему руководству, к депутатам кнессета. Мне бы сорвать с них маску, бросить им в лицо: «Вы лгали нам!» Однако я не в силах сделать этого. Со мной происходит что-то странное. Мне глубоко безразлично все, что меня окружает. Мои товарищи по оружию почти все или убиты, или ранены, или, как я, превратились в живых мертвецов. И лишь уцелевший оркестр бодро наигрывает: «Весь мир против нас».

Я пишу на оранжевой открытке, похожей на те, что раздают солдатам. Я пошлю ее депутату кнессета, члену комиссии по вопросам безопасности нашего государства. Мне нечего бояться.

«Господин депутат, вы, наверное, зададите себе вопрос: с какой стати я послал вам эту открытку? Действительно, я всего лишь солдат, исполнивший свой долг на другом берегу канала¹. А вы — вы депутат, который, впрочем, никогда и никому не приносил пользы. Не волнуйтесь, я не собираюсь ни в чем вас винить. Вы же ни при чем. Все знают, что вы ничто, что от вас нечего ждать. Поэтому не терзайтесь. Вас должна даже утешать мысль о том, что вы никогда не были способны решать самые несложные проблемы. Чего уж говорить о войне — вам ли братья за предотвращение войны?»

С нами все в порядке, нас только заели блохи. С нами все в порядке, мы только оказались в ловушке, поставленной вами».

Мне 18... 26... 31...

Двадцать шесть лет — какой прекрасный возраст для жизни! А для смерти? Когда прежде я так же остро чувствовал свой возраст? Наверное, лишь во время шестидневной войны² после взятия Тель-эль-Хара, когда мне было 19 лет. Тогда к нам приехал министр, чтобы объявить с легкой усмешкой, что мы одержали победу. «Это твоя, не наша победа, — пробормотали уцелевшие, — мы же пойдём посидим у моря». В течение двух месяцев нас мучили кошмары. Мы просыпались от криков: «Санитарка!»

А затем? Затем появились роскошно оформленные книги с прекрасными фотографиями. На страницах газет «они» — заседавшие в кнессете — утверждали, что мы были великолепны. О нас говорили так, как будто мы играли в театральном спектакле. «Они» говорили о победе. Я же не понимал, о

какой победе «они» говорят, так как мы никогда еще не были столь далеки от мира. Но те, заседавшие в кнессете, говорили, что все идет прекрасно, что я могу спать спокойно, что никогда еще наша страна с точки зрения безопасности не чувствовала себя так уверенно.

Мы смотрели на море. Оно было синим и громадным, каким может быть только море. А «они» начали промывать нам мозги, улыбаясь подозрительно торжествующей улыбкой. Мы гордо маршировали по украшенным улицам, насвистывая мелодии из кинофильмов. Мы начали искать квартиру, работу, деньги, женщин. Мы пытались освободиться от мучивших нас кошмаров и снова поверить нашим сладкоречивым вождям, которые баюкали нас песнями о том, что никогда еще Израиль не чувствовал себя так уверенно.

Сколько же можно смотреть на море?..

После выхода альбома с фотографиями о войне, после поэм придворных поэтов, возмущавшихся грязью арабской деревни Шарм-аш-Шейх (там сейчас наша военно-морская база) и вообще арабами, наступило время новых торжественных представлений.

Безопасность — наш золотой телец. «Они» начали говорить, что нам уже можно не беспокоиться. Что у нас могущественная армия и достаточно «фантомов». Платные запевалы, кусая от усердия пластиковые края громкоговорителей, подали знак музыкантам, и началась грандиозная комедия.

Генералы в шортах, из которых торчали волосатые ноги, покуривая дорогие сигары, организовывали «в честь мира» спектакль за спектаклем, длившиеся иной раз до утренней зари. Солдаты-лакеи обслуживали пирующих.

И в этих-то надутых индюков верили мои товарищи, говоря между двумя стаканами, что если новая война разразится, то наши генералы:

сломают им хребет,
уничтожат их,
развеют их прах по ветру,
и — никаких проблем!

И, теша себя этим видением чужого «сломанного хребта», наше потребительское общество стало беззаботно наслаждаться жизнью. Еще бы! Израильское государство никогда еще не испытывало подобного чувства превосходства по отношению к арабам. И богатые становились все богаче, а бедные все беднее. Пока наши генералы разъезжали в своих роскошных лимузинах по полям, где проходили маневры, и курили дорогие сигары, а нувориши меняли стереоустановки на самые усовершенствованные.

Конечно, все знали, что существуют недовольные «саботажники». Но считывали на «сокрушителей хребтов», которых отныне называли не иначе как «хранителями или гарантами безопасности». Правда, перед кинотеатрами члены «гражданской обороны» на всякий случай обшаривали сумочки пожилых дам в поисках взрывчатки.

А ГЕНЕРАЛЫ КУРИЛИ СИГАРЫ...

Джонатан ГЕФФЕН,
израильский военнослужащий

Статья из сборника «Мехдал» («Попрание»), выпущенного и тут же запрещенного в Израиле. Автор — лейтенант парашютно-десантных войск, молодой поэт.

¹ То есть воевавший на египетской территории к западу от Суэцкого канала. — Здесь и далее примеч. ред.

² В июне 1967 года Израиль совершил агрессию против Египта, Сирии и Иордании, оккупировав 68 тысяч квадратных километров арабских земель.

Да, дела пошли прекрасно. Промышленность и строительство развивались с головокружительной быстротой. Богатые дельцы приобретали участки, где еще вчера сражалась и умирала наша молодежь. Они купили за 20 тысяч фунтов клочок земли, где погибли мои лучшие друзья. Чем обильнее земля была полита кровью, тем дороже она стоила. И лишь солдаты, вернувшиеся домой, не могли купить ничего, так как цены подскочили настолько, что стали по карману лишь тем, кто наживался на их крови.

И те холмы, которые во время войны были обозначены на штабных картах как Рита и Дина и которые были захвачены ценой крови тех, кто верил, что воюет за свою родину, тоже стали собственностью богатых дельцов, получивших громадные суммы для строительства оборонительной линии Барлев и других укреплений. Этих денег им вполне хватило на то, чтобы построить себе великолепные виллы в глубине страны. «Я не знал, что мы воевали ради обогащения дельцов», — сказал один солдат, уставший от забот. Он только что женился, но у него не было ничего, даже крыши над головой, в то время как в Израильском государстве царил «великое процветание».

Индустрия развлечений не отставала от этого «процветания». Как грибы, плодились ночные заведения. Распахнули двери новые фешенебельные рестораны. Чиновники и генералы лакомились там дарами Средиземного моря. Счета оплачивало государство, то есть ты и я. Естественно, ведь это «они» принимают решения и «сокрушают хребты», и, будучи «священной коровой» нашего общества, по праву лакомятся телятиной, поджаренной на древесных углях. А нам — нам остается листать роскошно иллюстрированные книги, рассказывающие о наших подвигах, всматриваясь в который раз в лицо генерала, опьяненного победой. Мы должны оплачивать счета. Только и всего.

Однажды к зданию парламента подошли несколько юношей. Они уселись на ступенях и стали размышлять. Если мы победили, говорили они сами себе, мы должны что-то предпринять, мы же несем моральную ответственность по отношению к побежденным. В небольшой, ставшей популярной книжке «Говорят солдаты» я высказал народу свою точку зрения, полностью противоречащую торжественным альбомам. Мне кажется, многие поняли, что думают и чувствуют на самом деле молодые солдаты. Молодежь, вернувшаяся с фронта, заявила, что война и победа не могут принести долгосрочного решения. По ее мнению, проблемы палестинцев — это проблемы всех арабов, а война несет лишь смерть и разрушение.

Но ничто не смогло заглушить эйфорию «жирных котов». Фотографии погибших солдат, опубликованные в газетах, отнюдь не мешают «сокрушителям хребтов» намазывать на поджаренные хлебцы толстый слой масла.

Траур лишь укрепил это потребительское общество, повторяющее, как заклинание, бессмысленные лозунги: «Чтобы обеспечить мир, нужно воевать! Мы воюем за мир! Война ради мира!»

Именно у нас появились эти лозунги, которые могут показаться абсурдными на любом другом языке. Мы ухитрились сростить два слова, совершенно противоположные по значению. В нашем государстве существуют и другие подобные бессмыслицы. Например, «внушительная победа» вполне уживается с «постоянной опасностью», а удаленные границы не устраняют постоянного страха, скрываемого за показным благополучием.

— Абсурдность? Посмотрите-ка, он рассуждает о какой-то абсурдности! — слышу я возмущенные голоса.

Да, я говорю об абсурдности. Именно так я говорю о трюкачестве наших политиков. Я делаю это, чтобы заставить вас думать. Точно так же я говорю, что «правота нашего оружия» тоже абсурд. Мне ответят:

— Как?! Неужели ему не стыдно? Правота нашего оружия — абсурд? Нашего оружия?!

И все же я отвечаю:

— Да, абсурд. Оружие, которое убивает невинных людей, не может быть правым.

— Нет, вы слышите? Этот господин хочет остаться чистым! Грязный хиппи. Сначала иди обрежь себе волосы.

Я утверждаю, дамы и господа, что мир стал для нас националистическим лозунгом, легендой, утопией. Он стал излюбленной темой в шаблонных речах наших политиков, этих прожженных циников, которые, рассчитывая, что время работает на них, выдвигают слишком трудные условия для установления мира в надежде, что никто не согласится их принять.

Мир для них всего лишь избитая тема для спекуляций в предвыборных кампаниях. Для нас же это вопрос жизни или смерти. Мы хотим мира, «они» же хотят продолжать «сокрушать хребты». Мы разделяемся и будем всегда разделяться на «них» и на «нас».

Выслушайте же, господа, еще одно «абсурдное утверждение»: израильская молодежь (ее осталось не так уж много после четырех «войн за мир»¹) искренне и страстно стремится к миру и дружбе с арабами, хочет жить с ними одной семьей, в то время как наши политики используют трагическую ситуацию на Ближнем Востоке как козырь в политической игре и как средство личного обогащения!

...Я медленно бреду к морю. Может, оно остудит мои мысли? Но сколько же можно глядеть на море?!

Перевел Ю. КИРПИЧНИКОВ

¹ Израильская война 1948—1949 годов, англо-франко-израильская агрессия против Египта в октябре — ноябре 1956 года, война в июне 1967 года и война в октябре 1973 года.

Американцы умеют встречать вернувшихся с войны. В море ликования с победы смывается грязь.

Когда окончилась вторая мировая война и солдаты сошли на берег, казалось, вся страна пришла в порт. Люди размахивали флагами, плакали, обнимались. Чудесное время. Каждого, кто был в форме, принимали как героя.

Войска, вернувшиеся из Кореи¹, ждала молчаливая встреча. А потом была самая долгая и самая странная из всех американских войн. С этой войны возвращались поодиночке, ночью, тайком. Тридцать шесть часов назад они были во Вьетнаме и пригибались под пулями среди хаоса и ужаса чужой земли. Потом оказывались в гражданском самолете, и стюардессы проходили мимо, как мираж. Потом солдаты сходили на родную землю, где все было против них.

В Сиэтле им доставался плевков от человека в фуражке Американского легиона². «Молокососы,— кричал он,— проиграть такую войну!» Солдат шел в бар и заказывал пиво. «А ты совершеннолетний?» — косился бармен. Да, эта война была войной подростков. Их отправляли во Вьетнам, едва наступал призывной возраст. Их изводили вопросом: «Сколько детей ты убил?» Так их встречали. Так для многих начался долгий период ярости и безысходности.

Кирпичные корпуса медицинского центра при Управлении по делам ветеранов войны. В вестибюле четвертого корпуса толпится небольшая очередь. Им всем за тридцать. Музыкант, полицейский, два безработных и два уголовника. Но у них есть общее — Вьетнам.

Психиатр Дэвид Лоупат ведет их на сеанс психотерапии. Они усаживаются в креслах, закуривают. Лоупат мягко спрашивает:

— С чего начнем?

Коренастый светловолосый ветеран растягивает слова:

— Я никому не доверяю... Возможно, потому, что меня никто не хочет понять. Взгляните на нас. Ни у кого из нас нет друзей.

— Разве расскажешь о том, что там творилось? — говорит другой.

— Нас не хотят понять, — взрывается ветеран в тенниске. — А войну проиграли они — не мы.

Мрачный человек, до этого не сказавший ни слова, подводит итог:

— Других приглашали на вечеринки. Меня пригласили на войну.

Все смеются.

— Жена вас понимает? — спрашивает Лоупат.

— Говорит, что да, но я не верю.

¹ Агрессия против Корейской Народно-Демократической Республики длилась с 1950 по 1953 год. — Здесь и далее примеч. ред.

² Организация крайне правого толка.

Полицейский раздражается мрачным монологом:

— Если со мной нет пистолета, мне кажется, что я голый. Потому я и стал копом¹. Во Вьетнаме моей работой было убивать. Я смотрел на вьетнамцев как на мишень. Мне и теперь, если мне кто не по нраву, часто хочется сказать: «Эй, я сверну тебе шею...» В таких случаях я поскорее ухожу. Что со мной? Месяц назад я хотел покончить с собой. Мне тяжело удерживаться от насилия. Я боюсь выходить на работу. Боюсь жить.

— Одна половина страны говорит: «Вы проиграли войну». Другая половина: «Вы все ничтожества, раз согласились воевать».

— Сколько сынков политиканов я видел там?.. Что-то не припомню.

— До войны у меня все было нормально. Война искалечила мне жизнь. Она искалечила жизнь каждому из нас.

Подросли дети, родившиеся в то время, когда во Вьетнаме шла война. Семь лет назад последний вертолет бесславно поднялся над крышей американского посольства в Сайгоне. Вьетнамские ветераны давно не юноши. Они лысеют, толстеют. Но страшные воспоминания до сих пор с ними. Почему они не могут забыть?

Два миллиона девятьсот тысяч аме-

¹ То есть полицейским.

риканцев прошли Вьетнам. Сто тысяч американцев вернулись калеками, пятьдесят тысяч опасаются, что у них рак в результате воздействия ими же применявшегося отравляющего вещества «Орандж», у каждого четвертого ветерана психические расстройства: депрессия, кошмары, приступы неконтролируемой ярости и потребность насилия.

Вьетнам так просто не забыть. Он остался в мужчинах и женщинах (во Вьетнаме служило около семи тысяч пяти-сот женщин), вернувшихся оттуда. Они возвращались с грузом боли и проблем — с ожесточением и чувством вины, с горем и недоуменными вопросами, до которых стране не было дела.

Их единственная радость была — выжили. Но потом приходило отчаяние: они оказались лишними на родной земле. Весной и летом 1981 года некоторые попытались вырваться из трясины забвения, сделать так, чтобы их заметили. Одни устраивали протесты, похожие на антивоенные акции 60-х годов. Но их выступления напоминали приступы отчаяния. Другие... В марте 1981 года бывший десантник Джеймс Хопкинс врезался на «джипе» в здание госпиталя для ветеранов в Лос-Анджелесе. Он кричал, что сходит с ума от химката «Орандж». Он выжил. Но два месяца спустя покончил с собой.

Один ветеран проводит все дни на балконе, бросая в ведро горящие спич-

КОГДА ТЫ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН

Лэнс МОРРОУ,
американский журналист

ки. Другой десять лет не выходит из дома. Роберт Мур не выходил из дома восемь лет, пока не стал посещать центр ветеранов в Куинси. Теперь по заданию центра он разыскивает тех, кто так и не нашел контакта с обществом.

С тех пор как в Рочестере один ветеран убил мать и совершил нападение на банк, в медицинские центры все чаще обращаются с просьбами о помощи. Они поступают от матерей, жен и братьев ветеранов — они бомба: в любую минуту может взорваться.

Митчел Сэмплз родился в Западной Виргинии. Он, не задумываясь, пошел воевать. «Там, где я жил, — говорит Сэмплз, — все были патриотами». В июне 1968 года Сэмплз впервые участвовал в боевых действиях. Это случилось в Чулае. Он лежал на рисовом поле и стрелял в партизан. «В этом есть своя прелесть», — подумал он тогда. В тот день его наградили бронзовой звездой за отвагу. Вскоре он узнал стрельбу иного рода. Однажды они взяли в плен раненого вьетнамца. «Мы соединились по радию с ротой и спросили: «Что с ним делать? Он еще жив». — «Убейте его», — ответили нам, и мы убили».

Вернувшись на родину, Сэмплз ни с кем не разговаривал об убитых, он быстро привык к гражданской жизни. Но воспоминания остались, кошмары преследуют его.

Война во Вьетнаме не была похожа ни

на одну из американских войн. Смеющаяся утром прачка вечером превращалась в партизанку. Врагом мог оказаться любой ребенок. «Майлай? — говорит Ларри Митчелл. — У меня их было много»¹.

Сержант «зеленых беретов» Митчелл приехал во Вьетнам в 1965 году. «Нам сказали, что мы воюем за демократию, — вспоминает он. — Тогда я думал о войне словами Джона Уэйна²: «Гибнут только плохие парни».

Отрезвление наступило быстро. Сразу же по прибытии во Вьетнам его бросили в бой. «Противника не было видно. И это было страшнее всего: ты делаешь тысячи выстрелов и не находишь трупов, кроме трупов своих же ребят. Враг всегда был рядом, но он был невидим».

Во второй раз Митчелл попал во Вьетнам в 1967 году, уже лейтенантом. «Главным увлечением в то время была бухгалтерия — подсчет убитых, — рассказывает он. — Подсчет заставлял уби-

¹ Деревня Майлай в общине Сонгми — место кровавого побоища, устроенного американскими карателями. Расстреляны были все жители — от стариков до грудных детей.

² Покойный актер Голливуда, смаковавший образы ковбоев, «нанизывающих на одну пулю пару-тройку краснокожих».

вать еще и еще». Однажды Митчелл руководил карательно-поисковой операцией. «Мы подошли к деревне и открыли огонь, — вспоминает он. — Потом мы вошли в деревню и все обшарили. В одном из домов я заметил, как что-то шевельнулось в углу. Я повернулся и дал очередь. Потом подошел посмотреть. Там лежала женщина. Она была, думаю, на последнем месяце беременности. Я был абсолютно спокоен. Когда мы считали убитых, я посчитал и ее неродившегося ребенка, для бухгалтерии».

1968 год прошел для Митчелла в однообразной смене пьяных ночей и карательных операций. Потом он попал в плен, где пробыл два с половиной года. В 1971 году его освободили. В Штатах его встретили как врага.

В отличие от Митчелла Роберт Мюллер еще до отправки на фронт был готов к самому худшему. На курсах офицеров морской пехоты он узнал, что во время второй мировой войны восемьдесят пять процентов ротных командиров были убиты или ранены. Как и его друзья, Бобби больше всего боялся стать калекой. «Я помню, как сказал, что скорее умру, чем буду жить без ноги. А перспектива оказаться парализованным? Этот вариант даже не обсуждался». Теперь Бобби сидит в кресле-каталке, из которого ему никогда уже не встать. Он учился в университете, когда в 1967 году его призвали в

армию. Он верил в необходимость этой войны. Вспоминая церемонию в честь окончания курса, Мюллер говорит: «Я стоял в парадной форме. Игнали гимн, и я плакал, как младенец. От гордости».

В первый же день он попал в бой. «Мы выскочили из вертолетов и увидели тела,— рассказывает Бобби.— Тут я и понял, что такое война». Через год его тяжело ранило. «Госпиталь при управлении по делам ветеранов оказался дрянью,— продолжает он.— Программа физической терапии обернулась злой шуткой». Он так и остался парализованным. Мюллер стал активным членом движения Вьетнамские ветераны против войны.

Блейк Кларк — комик. Ему тридцать пять, живет в Лос-Анджелесе. «Привет,— говорит он со сцены,— я ветеран. Был во Вьетнаме. Об этом трудно говорить: у всех готовое представление о нас — наркоманы и сумасшедшие». Пауза. «Так оно и есть!» И он рассказывает о том, как вернулся из Вьетнама. «Самолет приземлился в Атланте. Я был в форме и шел по аэровокзалу, когда ко мне подошел какой-то тип и обозвал меня поджигателем войны и убийцей. Именно так он и сказал!» Пауза. «И я убил его». Зрительный зал взрывается от смеха.

Долгое время он не мог шутить на тему Вьетнама. В 1971 году он участвовал в чине младшего лейтенанта в семидесятидвухдневном рейде в Лаос под кодовым названием «Дьюи Каньон». Из тридцати пяти человек его взвода на базу вернулись только двенадцать. После войны его стали мучить кошмары. «В семьдесят пятом году по телевидению шли спецрепортажи из Вьетнама, показывали гробы, завернутые во флаги. Я знал ребят, которые лежали в этих гробах. Я плакал»,— вспоминает он.

Во вторую мировую войну цель была ясна. В корейскую — едва различима. Те, кто воевал во Вьетнаме, совсем не понимали, за что они воюют. Цель сузилась до индивидуальных усилий выжить. Бессмысленная война: взять днем и потерять ночью, стоять насмерть за чужой клочок земли, потом вызывать вертолеты и удирать. Война без побед и успехов: только цифры в черном портфеле — счет убитых. Вьетнам оказался землей смертоносных сюрпризов. Спасались наркотиками. Появились свои суеверия, талисманы. Если выживали после трех месяцев бойни, то писали на касках хвастливые фразы вроде: «Балдею от Вьетнама» и прочее.

Ричард Фултон провел во Вьетнаме двадцать восемь месяцев. Сейчас ему тридцать семь лет, живет в Лос-Анджелесе. «Я умер во Вьетнаме,— говорит он.— Я был предан армии. Теперь я не предан Америке». Во Вьетнаме он участвовал во многих боевых операциях. Однажды наступил на мину и долго провалялся в госпитале. Он потерял друзей. Потерял двух братьев. Их было

четыре брата, и все служили в морской пехоте. Двое погибли, один вернулся наркоманом. Однажды он вышел на улицу и выстрелил в прохожего. «Мы думали, что будем как братья Салливаны»,— говорит Фултон, имея в виду пятерых братьев-героев, служивших в морской пехоте США и погибших в сорок втором вместе с затонувшим кораблем «Джуно».

Когда Фултон думает о Вьетнаме, он вспоминает черных. Тогдашний министр обороны США Роберт Макнамара ввел «новые критерии», значительно заизвив требования к военнослужащим при присвоении очередного звания. «Новые критерии» привлекли в армию большое количество черных американцев и тем способствовали приросту пушечного мяса для отправки во Вьетнам. Фултон не совсем прав. Несправедливости при наборе в армию совершались не столько по расовым, сколько по классовым признакам. В этой войне участвовали главным образом люди из низших слоев. Другие наблюдали за ними с мест, удобно расположенных в американском обществе.

Вьетнам оказался долгой и мучительной смертью «американского братства». Вера в устои, власть и государственные институты была подорвана. Война стоила Америке значительно больше, чем она могла заплатить.

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

P.S. Когда верстался этот номер журнала, поступило сообщение, что 230 бывших военнослужащих, воевавших во Вьетнаме, обратились в федеральный суд штата Мэриленд с иском против правительства США, преднамеренно скрывшего опасность химиката «Эйджент Орандж» для человеческого организма. За время американской агрессии во Вьетнаме было распылено 48 миллионов литров этого химиката, который, как считалось, уничтожает только растения. Правительство отказывается признать право ветеранов, пострадавших от воздействия «Оранджа», на пенсии по нетрудоспособности. Отказ объясняется тем, что влияние данного химического вещества на человеческий организм «недостаточно исследовано». Тем не менее известно, что диоксин, токсическое вещество, входящее в состав «Оранджа», вызывает развитие раковых клеток в живой ткани. Более того, вашингтонская администрация предполагает урезать бюджет Управления по делам ветеранов на 900 миллионов долларов.

Среди ветеранов наивысший процент безработицы, болезней, алкоголизма, наркомании, преступности, случаев самоубийств и шизофрении.

— Я страдаю психическим расстройством,— пишет Джон О'Гавагэн,— но больше не от Вьетнама — от безразличия тех, кто послал нас воевать.

Они сделали свое дело — они не нужны.

В три часа ночи 17 февраля 1979 года на вьетнамский город Каобанг, неподалеку от границы с КНР, обрушился шквал минометно-артиллерийского огня. Еще через полтора часа канонада гремела вдоль всей вьетнамско-китайской границы. Та ночь застала меня в гостинице Лангшона. Я проснулся от грохота орудий и рева самолетов. Как я вскоре узнал, в четырнадцати километрах от города разгорелся бой.

Шестисоттысячная китайская армия вторглась на территорию соседнего социалистического государства. Агрессор пытался захватить и удержать за собой стратегические позиции на глубину в 40—50 километров. Лишь 5 марта, когда стало ясно, что эти расчеты — из-за стойкого и все нараставшего отпора со стороны героического вьетнамского народа — проваливаются, Пекин объявил о своем решении «прекратить бои». Еще полторы недели китайская армия медленно отходила...

Когда-то Константин Симонов писал: «На войне не всех убивают, и не всех она делает «потерянным поколением», но выйти после войны «сухим из воды» может только утка. А человек живет после войны с ощущением, что он перенес операцию на сердце».

Мне довелось наблюдать, как весной 1975 года, после изгнания из Сайгона американских агрессоров, вьетнамцы встречали мир. Впервые за три с лишним десятка лет на их земле не гремели взрывы. Предчувствие счастья, возможность мирного труда, нормальной жизни после тяжких испытаний, после тысяч и тысяч «операций на сердце» — гибели близких, разлук, исковерканных

«АВТОМАТЫ» МАО

Валериан СКВОРЦОВ,
корреспондент «Правды» —
для «Ровесника»

судеб. Наконец-то он пришел, долгожданный мир.

И вот снова война. Необъявленное, подлое нападение — на этот раз с севера. На этот раз вьетнамские крестьяне и горожане, дети, старики, женщины гибли от рук солдат в форме НОАК — Народно-освободительной армии Китая. «Автоматы» Мао, сказал о них вьетнамский офицер, сопровождая меня в помещение для допроса китайских военнопленных. Мне дали возможность поговорить с ними, выяснить, что они думают об этой войне и своем участии в ней.

...Он стоял у раскладного стула перед письменным столом, внимательно нас разглядывая. Пострижен «по-офицерски» фасонно. Судя по бумагам, ему только что исполнилось тридцать лет. Командир первой роты первого батальона 448-го полка 50-го корпуса НОАК Ли Хэпин.

Вопрос. Как вы попали в плен?

Ответ. Шестого марта 1979 года я получил приказ пересечь вьетнамскую границу. Четырнадцатого, находясь неподалеку от Каобанга, попал вместе с ротой в окружение.

Вопрос. Вам было известно, что правительство КНР еще накануне, пятого марта, официально объявило, что прекращает бои и приступает к выводу всех своих войск с вьетнамской территории?

Ответ. Да, я это знал.

Вопрос. Как вы объяснили солдатам причины нового похода на территорию чужой страны?

Ответ. Я воспитывал своих бойцов в духе заявления моего правительства от семнадцатого февраля. Мы защищали

свои границы, мы вели оборонительную войну против Вьетнама.

Вопрос. Но вас взяли в плен на вьетнамской, а не на китайской территории, вы находились в составе сил вторжения.

Ответ. Нет! Мы вели боевые действия на своей территории на законных основаниях. Мы обороняли свои границы.

Вопрос. Разве Вьетнам начал эту войну?

Ответ. Вьетнамцы стали на путь ревизионизма. Китай должен был проучить вьетнамцев.

Вопрос. Солдаты вашей роты забили насмерть прикладами работниц животноводческой фермы Хунгдао. Среди убитых несколько беременных женщин. Это и есть «урок», который вы преподали другому народу?

Ответ. Война есть война...

Вопрос. Ваши солдаты грабили все подряд. На некоторых, когда их захватили в плен, оказалось по несколько брюк, причем женских. Вас это не смущает?

Ответ (пожав плечами). Это трофеи.

Тот же вопрос, с которого начался разговор с Ли Хэпином, одному из его подчиненных: «Как вы попали в плен?»

— Мы шли во Вьетнам против воли. Откажешься выполнить приказ — страдаешь не только сам, но и родные. В Куньмине из нашей роты дезертировали трое. Когда заглянули в их анкеты, оказалось, что они «круглые сироты»...

Позже, по дороге в Ханой, меня познакомили с бывшим командиром оружейного расчета Лю И, который тоже решил на этот крайний шаг. Ему это было сделать труднее, так как на роди-

не у него остались мать, отец, братья и сестра.

— Я прошел со своей батареей более двадцати километров в глубину вьетнамской территории и нигде не заметил заранее подготовленных военных сооружений. Это лишь наглядно подтверждало, что Вьетнам и не собирался нападать на нас. Я понял, насколько мы, китайцы, опутаны ложью. Лжет командование, лжем друг другу мы. И потом этот приказ: «Всех убивать, всё захватывать, остальное сжигать!» Солдаты воровали яйца из-под наседок. И это — Народно-освободительная армия Китая!

Много ли таких, как Лю И, образованных, думающих людей было в рядах китайских сил вторжения? Что собой представляла основная масса китайских солдат, которых мы видели в лагере для военнопленных? Подавляющее большинство рядовых, получив положение для пленного вещевое довольствие, ставило против своей фамилии крест или прикладывало палец, смазав его пастой от «шарика». Начальство гнало на войну неграмотных или полуграмотных людей. Мы видели на пленных амулеты, ладанки и кожаные мешочки с заклятьями. Солдата «без понятия» легче повернуть в нужную сторону...

Изломанные маоизмом и маоистами человеческие судьбы. Двадцатитрехлетний Лю Фи, водитель-механик танка, больше молчал, покусывая губы. Похоже было, что в нем началась какая-то внутренняя напряженная работа.

— Приходится сожалеть, что мы напали на Вьетнам, — тихо сказал он.

НОВОСТИ ГЕОГРАФИИ

В 1968 году американские спелеологи Ричард Шрейбер и Рик Фут, исследуя подножие горы Пиджин (штат Джорджия), обнаружили удивительной красоты подземный грот. С известным одним лишь первооткрывателям волнением они стали его обследовать. Каково же было их разочарование, когда на одной из стен грота они заметили чей-то автограф и дату — 1927 год. Тем не менее считается, что именно Шрейбер и Фут открыли грот Эллисон для науки. Они же, кстати, установили, что под горой скрывается целая система гротов. «Некоторые энтузиасты полагают, что по ним можно добраться «до центра Земли», — говорят спелеологи. — Это, конечно, чушь. Наши гроты — идеальное место для проведения различного рода научных исследований, и ученые занимаются ими вот уже пятнадцатый год».

КАК ОТДЫХАЮТ КОСМОНАВТЫ

На снимке — Жан-Лу Кретьен. Он и его коллега Патрик Бодри — первые французские космонавты. Когда во Франции стало известно о начале подготовки к совместному советско-французскому космическому полету, четыреста человек подали заявления. К первым тестам были допущены только шестьдесят. Пятеро из них прошли отборочные испытания и приступили к тренировкам и изучению русского языка. В Звездный поехало двое достойнейших. И снова в течение многих месяцев тренировки, теоретические занятия, уроки русского языка. На отдых — минуты. Вот так отдыхает Жан-Лу.

ДЛЯ ВАС, ЖЕНЩИНЫ. В Лос-Анджелесе открылась школа, которая гарантирует своим выпускникам выгодную работу. Срок обучения один год. Принимаются только женщины с хорошей спортивной подготовкой. Программа: снайперская стрельба, каратэ, бег на короткие дистанции. Короче говоря, школа готовит телохранителей, а вернее, телохранительниц. Психологи посчитали, что слабый пол более наблюдателен, более способен к сосредоточенному вниманию и вполне в силах сделать более безопасной жизнь своих подопечных, имеющих деньги и власть. 70 процентов работодателей для выпускниц школы — мужчины. А рост преступности и насилия... в общем, пока без работы телохранительницы не останутся.

ОБЫКНОВЕННАЯ ДУЭЛЬ

Старинные шпаги заточены по-боевому и служат отнюдь не спортивным целям. Участники дуэли — представители двух студенческих «буршеских» союзов ФРГ — «Нибелунги» и «Дармштадтия». Они должны пройти испытание и продемонстрировать «сверхчеловеческую» выдержку, храбрость и жестокость. Как и в средние века, в современном Марбурге, где воскрешено шесть «буршеских» союзов, уже триста особенно рьяных приверженцев традиций «доблестного германского духа» искромсали физиономии противников, доказывая, что годятся на роль «сверхчеловеков». А «сверхчеловеки», как известно, многое натворить могут...

А ЧТО РИСУЮТ?

Множество иностранных рабочих — гастарбайтеров — трудятся в ФРГ. Итальянцы, греки, турки... Они зарабатывают свой хлеб ценой постоянного унижения и страха. Каждый гастарбайтер боится неизбежного визита в полицию. На какой срок ему разрешат остаться? Какие районы в городе для него закрыты? Какие школы запрещены для его детей? На картине самодеятельного художника, рабочего из Турции Ханефи Йетера, изображен огромный полицейский штемпель. В приемной полицейского участка люди ожидают решения своей судьбы. Штемпель — клеймо отверженных — лишает гастарбайтеров гражданских прав, автоматически переводит их во «второй сорт».

ПОЛУДЕННЫЙ РАЗБОИ

Очередной пожар на свалке отходов химической промышленности. Очередной раз пожарные пытаются предотвратить взрыв. Очередной раз власти штата Нью-Джерси хватаются за голову — что делать? В штате сосредоточено множество химических предприятий и множество таких «подпольных» свалок. Законодательство штата обязывает предпринимателей строить специальные хранилища для отходов, за невыполнение — штраф. Но промышленники считают куда более выгодным платить... местным гангстерам. Те присылают своих молодцов с грузовиками, и молодцы — даже не ночью, а среди бела дня — сваливают отходы куда попало. А дальше — очередной пожар, очередной взрыв, обычная история.

ПОЕТ БАРРИ МЭНИЛОУ

Барри Мэнилоу появился на американской музыкальной сцене десять лет назад и сразу же привлек к себе внимание публики. Но вряд ли кто-нибудь мог предположить тогда, что этого парня ожидает такая слава. Первые же пластинки Мэнилоу вошли в американские и английские хит-парады, да и сейчас продолжают пользоваться феноменальным успехом; в Великобритании, например, как утверждает статистика, каждые полторы минуты продается одна его пластинка. Его песни исполняют даже такие звезды, как Донна Саммер. В 1979 году Барри Мэнилоу первым из рок-исполнителей был удостоен премии за выдающийся вклад в развитие американского искусства. В этом году Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» выпустит лицензионный диск «Поет Барри Мэнилоу».

ВО СЛАВУ БОЖЬЮ — ТРАХ!

Преподобный Дуайт Уаймер из штата Мичиган нетерпелив. Нетерпение свое он оправдывает высокой целью: «Хочу, чтобы дети как можно скорее усвоили слово божье». Чтоб ускорить процесс запоминания, преподобный сажает ребенка на маленький электрический стульчик, и если подопытный ошибается, пересказывая библейский текст, подсоединяет к стульчику провод от шестивольтовой батарейки...

Колумбия принадлежит к тем латиноамериканским странам, которые стали наследниками высококоразвитых цивилизаций доиспанской Америки. Здесь, на горном плато, жили индейцы муиски, создатели оригинальной культуры, наиболее значительной после цивилизации майя — ацтеков на севере континента и инков на юге. Именно в Колумбии достигло наивысшего расцвета индейское ювелирное искусство, замечательные образцы которого собраны в залах прославленного Музея золота в столице страны Боготе. Современников поражают масштабность и высокий уровень градостроительной культуры индейцев тайрона.

В культуре Колумбии слились воедино европейское и индейское начала, массовая африканская миграция привела к включению различных элементов африканской культуры, а иммиграция из Азии, хотя и незначительная, — черт культуры Востока.

Не только на континенте, но и за его пределами известно творчество прекрасного монументалиста и скульптора Педро Нель Гомеса. В Колумбии трудится один из самых интересных театральных режиссеров континента, Эрике Буэнавентура. На многих кинофестивалях, в том числе на Московском и Ташкентском, с успехом демонстрируются остросоциальные ленты документального и художественного кинематографа. Идет процесс становления профессиональной музыки, классического балета — кстати, первая хореографическая школа Колумбии носит имя великой русской балерины Анны Павловой.

Колумбию называют «землей поэтов, страной, озаренной поэзией». Подобное определение оправданно: история Колумбии знает имена многих

КОЛУМБИЯ

ИСКУССТВО

ПОЭЗИЯ

ПРОЗА

Рассвет в понедельник был теплый и безоблачный. Дон Аурелио Эскобар, зубной врач без диплома, всегда встававший очень рано, открыл свой кабинет в шесть часов. Вынув из стеклянного шкафа вставную челюсть в гипсовой формочке, он выпал на стол пригоршню инструментов и разложил их по порядку — от большего к меньшему, как на выставке. На нем были брюки с подтяжками и полосатая рубашка без воротника, застегнутая на позолоченную пуговицу. Он был угловатый и поджарый, его малоподвижный, как у глухого, взгляд оживал очень редко.

Когда на столе все было готово, он подкатил бормашину к зубоорачебному креслу и принялся шлифовать вставную челюсть. Казалось, он не думает о том, что делает, однако работа так его захватила, что он нажимал на педаль бормашины, даже когда не пользовался бором.

Через два часа он оторвался от работы, посмотрел в окно на небо и увидел задумчивых стервятников, которые сушили перья, сидя на коньке соседней крыши. Вернувшись к работе, он подумал, что перед обедом снова польет дождь. Его вернул к действительности ломающийся голос одиннадцатилетнего сына:

— Папа!

— Что?

— Алькальд спрашивает, не вырвешь ли ты ему зуб.

ОДНАЖДЫ

Габриэль ГАРСИА МАРКЕС

— Скажи, что меня нет.

В это время он шлифовал золотой зуб. Потом, прищурившись, он стал рассматривать его на расстоянии вытянутой руки. В приемной опять закричал сын:

— Он говорит, что ты здесь — он тебя слышит!

Зубной врач продолжал разглядывать зуб и только потом, когда положил его на столик рядом с другими готовыми протезами, сказал:

— Пусть слышит.

И опять взялся за бор. Из картонной коробочки, где хранились заготовки, он достал мост из нескольких золотых зубов и стал их полировать.

— Папа!

— Что?

— Он говорит, что, если ты не вырвешь ему зуб, он тебя пристрелит.

Не торопясь, очень спокойно, он снял ногу с педали, отодвинул бормашину от кресла и выдвинул нижний ящик стола. Револьвер был на месте.

— Ладно, скажи ему, пусть войдет.

Он повернул кресло и, положив руку на край стола, сел

прекрасных поэтов, которые внесли немалый вклад в поэзию не только своей страны, но и всей Латинской Америки. В творчестве молодых поэтов, стихи которых публикуются в этом номере журнала, — Карлоса Кастро Сааведры, Хорхе Рохаса — на первый план выходит современная тематика. Тема свободы — одна из ведущих в их произведениях.

Самобытное и яркое явление латиноамериканской культуры — колумбийская художественная литература XX столетия. Еще в 20—30-е годы оригинальным вкладом национальных писателей в сокровищницу мировой культуры стала так называемая литература «зеленого ада». Писатели этого направления достигли высот социальной критики в изображении адской жизни людей в тропической сельве. Советским читателям известен переведенный на русский язык роман Хосе Эустасио Риверы «Пучина» — роман, ознаменовавший совершенно иной этап колумбийской прозы. Литература 40-х годов дала еще одно имя: лауреата международной Ленинской премии мира Хорхе Саламеа, автора антидиктаторского памфлета «Метаморфоза его превосходительства», с которым знакомы и советские люди.

Блестящим наследником лучших традиций национальной литературы выступает сегодня Габриэль Гарсиа Маркес, всемирно известный романист. Вряд ли найдется такая страна в современном мире, где бы не читали знаменитого романа Маркеса «Сто лет одиночества». Традиции Маркеса продолжает один из его учеников, автор публикуемых здесь рассказов, молодой писатель Карлос Бастидас Падилья.

И. ШАТУНОВСКАЯ

лицом к двери. На пороге появился алькальд. Левая щека его была выбрита, а другая, больная и раздувшаяся, была покрыта пятдневной щетиной. Глаза после многих ночей отчаянной боли потухли. Зубной врач кончиками пальцев задвинул ящик и мягко сказал:

— Садитесь.

— Добрый день, — сказал алькальд.

— Здравствуйте, — ответил врач и пошел кипятить инструменты.

Алькальд сел, откинул голову на спинку кресла и почувствовал себя немного лучше. Остро пахло лекарствами. Кабинет был обставлен бедно: старый деревянный стул, педальная бормашина и стеклянный шкаф с фаянсовыми баночками. Напротив стула окно, занавешенное до середины.

Когда по звуку шагов алькальд почувствовал приближение врача, он уперся ногами в пол и открыл рот.

Дон Аурелио Эскобар повернул его лицо к свету. Осмотрев больной зуб, осторожно надавил на челюсть.

— Придется делать без анестезии.

— Почему?

— Потому что у вас абсцесс.

Алькальд посмотрел ему в глаза.

— Так и быть. — Он попытался улыбнуться.

Зубной врач не ответил на его улыбку. Все так же неторопливо он перенес на рабочий стол стерилизатор с инструментами и один за другим начал вытаскивать их из воды холодным пинцетом. Затем носком ботинка придвинул плевательницу и пошел к умывальнику мыть руки. Все это он делал, не глядя на алькальда, в то время как алькальд не спускал с него глаз.

Болел нижний зуб мудрости. Врач пошире расставил ноги и зажал зуб горячими щипцами. Алькальд ухватился за подлокотники, со всей силой уперся ногами в пол, и, хотя по спине у него побежали мурашки, даже вдоха не сорвалось с его губ. Зубной врач сделал едва заметное движение рукой. Без злобы, скорее с грустью сказал:

— Это расплата за двадцать убитых, лейтенант.

Алькальд услышал, как захрустела кость; в глазах у него потемнело, и они наполнились слезами. Дыхание перехватило, и он смог вздохнуть только после того, как почувствовал, что зуба уже нет во рту. И тогда, сквозь пелену слез, он увидел вырванный зуб. В это мгновение ему показалось, что зуб не имеет никакого отношения к боли, которая терзала его пять ночей подряд. Тяжело дыша, обливаясь холодным потом, он наклонился над плевательницей и попытался нащупать в кармане брюк платок. Зубной врач протянул ему чистую тряпку.

— Вытрите слезы, — сказал он.

Алькальд вытер глаза. Его била дрожь. Пока врач мыл руки, он смотрел на бездонный потолок и пыльную паутину с яйцами паука и дохлыми мухами. Дон Эскобар вернулся, вытирая полотенцем руки.

— Пойдите лягте и полощите рот соленой водой, — сказал он.

Алькальд встал, по-военному сурово кивнул и в расстегнутом кителе направился к двери, разминая на ходу затекшие ноги.

— Пришлите мне счет.

— Вам или муниципалитету?

Алькальд даже не взглянул на него. Уже закрыв за собой дверь, он сказал через металлическую сетку:

— Один черт...

Рис. Н. БЕНУА.

С тех пор как мы захватили горы и контролируем положение, я наблюдаю за проклятым гринго¹, который сопровождает нас с самого начала операции «Америка»; сейчас разведдозор ушел далеко от основных сил, и я с ненавистью подумал, что он не должен был идти с нами, но теперь он больше не сможет пакостить, потому что я слежу за ним, хотя он, конечно, об этом не догадывается: ведь чужая душа — потемки.

Если бы Регуло пошел с нами, мне было бы легче, может быть, я даже рассказал бы ему о том, что хотел сделать...

Я уже с трудом скрывал мою ненависть, как вдруг партизаны из засады открыли огонь, и я увидел, как он, гринго, бросился на землю и, захохотав, начал осатанело строчить из своего автомата, да так метко, будто стрелял в упор, потому что все, кого настигали его очереди, подпрыгивали, отрывались от земли, а потом падали и больше не подымались, будто кто-то нарочно распластывал их среди кустов, на темной траве, где они замирали так, словно никогда раньше не были живыми.

Вдруг я с бешенством ору: «Гринго, сукин сын!» — я нарочно так крикнул, чтобы он повернулся ко мне лицом, и когда он обернулся, продолжая поливать огнем из своего автомата, я выстрелил из винтовки ему в рожу — он пошел на меня, будто мертвое, подрубленное дерево, хотя, впрочем, если как следует разобраться, он был мертв уже с той минуты, когда я вынес ему приговор во время проведения психической операции, — тогда ему взбрело в голову летать над районом Толу на вертолете, к которому веревкой был привязан местный крестьянин; американец сам вел вертолет, а сопровождавший его офицер следил за работой четырех громкоговорителей: они передавали такие записи, от кото-

¹ Презрительное прозвище североамериканцев. — Примеч. пер.

ДЕЗЕРТИР

Карлос БАСТИДАС ПАДИЛЬЯ

рых волосы становились дыбом, — именно тогда я начал судить его, а окончательный приговор вынес, когда он перерезал веревку и сбросил беззащитного человека на горы, заглушая его душераздирающий крик диким грохотом магнитофонной записи; мне не нужно было уточнять, я и так знал без всяких уточнений, что именно он перерезал веревку.

Потом я перешел к партизанам, а регулярные войска, озверев после засады, бросили на нас все силы, так что мы отступали почти без военных действий. Нас били там, где настигали, почти так же легко, как мирных жителей: небольшие силы атаковали, а в это время остальные окружали нас, загоняли куда-нибудь и, следуя знакомой тактике, сбрасывали с вертолета тысячи листовок, чтобы разъединить нас, а потом принимались бомбить напалмом — видели бы вы, во что превращалась наша кожа — сплошные ожоги и язвы, — но все это закончилось, когда нас загнали в ущелье Корралес, там нас разбили наголову — бойня была жуткая.

В этой переделке я убил Регуло, я не хотел этого, но получилось так, что мы неожиданно столкнулись, я не узнал его, выстрелил в упор и сразу убил его, не знаю, сколько времени я просидел возле него, рыдая от боли и злости, не знаю, что было потом, потому что меня ранило, и эта пуля одним махом вышибла все из моей памяти.

Эта последняя стычка с войсками случилась примерно в мае прошлого года, а сейчас, святой отец, как видите, я сижу в этой тюрьме, и говорят, что меня будет судить военный трибунал, это вполне возможно, они просто обойдутся со мной по-собачьи, потому что я осмелился взглянуть на то, что они прячут по другую сторону занавеса.

СИНЕЕ И КРАСНОЕ

Я сижу и жду, когда выйдет президент, со вчерашнего вечера я караулю его, чтобы попросить отпустить моего Габино: нет у него такого права — забирать у одинокой матери единственного сына только для того, чтоб упрятать его в казарму; дело, видимо, в том, что ему поручили чистить оружие, сеньор алькальд тоже всегда поручал ему эту работу, и надо было видеть, какой блеск он наводил, но потом, когда алькальд и его прихвостни-жандармы начинали просто так, без всякой причины, стрелять по людям, винтовки становились тусклыми и грязными, и опять звали Габино их чистить, он не хотел этого, медлил, долго смотрел на меня, но все-таки подчинился, а когда им вздумалось принудить моего сына стрелять в людей на базаре, он бросил винтовку в грязь и закрылся в доме — пинками и зуботычинами его вытащили оттуда и заперли в казарме, будто правительство усмотрело что-то преступное в его отказе стрелять по простому народу, одетому в грубые пончо и платки, потому что самому алькальду нравились только военные, жандармы и толстые, хорошо одетые господа, вот они и решили покончить с теми, кто носит пончо и платки, эту одежду изможденных и обездоленных, жандармы считали их красными, но они были такими бледными и печальными, что я никогда не могла представить себе их красными, а вот правительство прекрасно их отличало, различало красных и синих людей. Всю нашу семью синее жандармское правительство убило за то, что она красная, мы с Габино тоже красные, и наши души обречены маяться в аду.

Глаза у Габино зеленые: в детстве он любил прикладывать к ним зеленые листья деревьев и трав, но мне больше всего нравится его улыбка — он смеется так же, как я, когда останавливаюсь на улице или в храме возле толпы, а кое-кому не нравится, когда я вызывающе-весело смеюсь,

они глухи и думают, что смеются над ними, над их глухотой, но, когда смеялся мой Габино, они молчали и даже мне ничего не говорили, не жаловались, хотя, конечно, носили камень за пазухой и наконец отомстили мне: пришли однажды и сказали, что мой сын умер, что его убили красные, но он выполнил свой долг, и поэтому родина в трауре, но я заранее знала, что все это сплошная ложь, я никому не поверила, что тот человек, которого похоронили завернутым в знамя, был моим Габино, если бы это был он, я — его единственная мать, его родина, отерла бы знаменем грязь с его ботинок и похоронила бы его в моем чреве, где я носила его, когда он был таким маленьким, как этот камень, который я брошу в голову жандармского президента, если он не выпустит моего Габино.

Габино стоит в дверях большого президентского дома, он меня оттуда не видит, и я громко кричу, зову его, но он меня не слышит или нарочно притворяется слепым и глухим, потому что за ним, должно быть, следят, я видела в нашем городе много шпииков, глаза у них постоянно слезятся и моргают, будто их заедают вши, но почесаться они не могут, так как боятся выронить оружие, много я таких видела, хотя встречала у нас также много спокойных глаз, обращенных к небу, ожидающих и отрешенных, а здесь, в большом городе, я не увидела беспокойно бегающих глаз, наверное, они просто умеют их лучше прятать, мой Габино должен хорошо это знать, именно поэтому он не приближается ко мне.

А вот теперь он выходит из дома и идет ко мне, туда, где я его жду, откуда-то снизу он зовет меня, сейчас я прыгну и он меня поймает; почему этот флаг покрывает твои ноги? — иду к тебе, помни, что я твоя мать, и ты не умер, потому что я не ношу траура, это только звезды в трауре, но не по тебе, а по тому человеку, которого похоронили завернутым в знамя.

Рассказы перевела с испанского
Валентина БЕЛИКОВА

ЗАКЛИНАНИЕ ИЗ АМЕРИКИ

Карлос КАСТРО СААВЕДРА

Я по имени Карлос, начинающий, из Америки Южной — здесь я живу с новорожденным сыном, — ноги такие, как у меня, бывают лишь у рассвета, утреннее лицо, тело — сплошная зелень, а грудь — это целое пастбище для буйволов и коней, где солнце горячей рукой зажигает маки.

Верую в рыбака, в хороший улов и надежные сети; люблю деревенский обычай: весной выпускать голубей, каждый день ожидаю известий со всех концов света, жажду, как всякий смертный, мира, любви, изобилья и полагаю, что будущее прибудет ближайшим экспрессом: ибо люблю мою молодость и лелею надежду; дверь моего дома замкнута поцелуем, я замыкаю двери тщательно, как часовой, и уйду из дома, бросаюсь от пули к пуле, от гранаты к гранате, чтобы обезоружить войну.

Кто из моих ровесников не устремится следом? Кто же из тех, кто видит, как юная грудь прорастает колосьями будущей жизни, кто не пойдет за нами, юностью дорожа? Кто же в моей любимой драгоценной Колумбии, или в другой такой же крестьянской стране, или во всей Америке, опоясанной океанами, и даже на всей планете, на нашей большой планете, кто не захочет вступить за нерасцветшие жизни и силой не вырвет смерть у кровожадной войны?

Я знаю точно: нас много, не сосчитать сколько — целые миллионы: мужчин и пернатых созданий, женщин и утренних звезд, нас ослепительно много: мы — мировое братство, и нет среди нас брата, прельщенного славой солдата, и нет среди нас солдата, который стрелял в цветы.

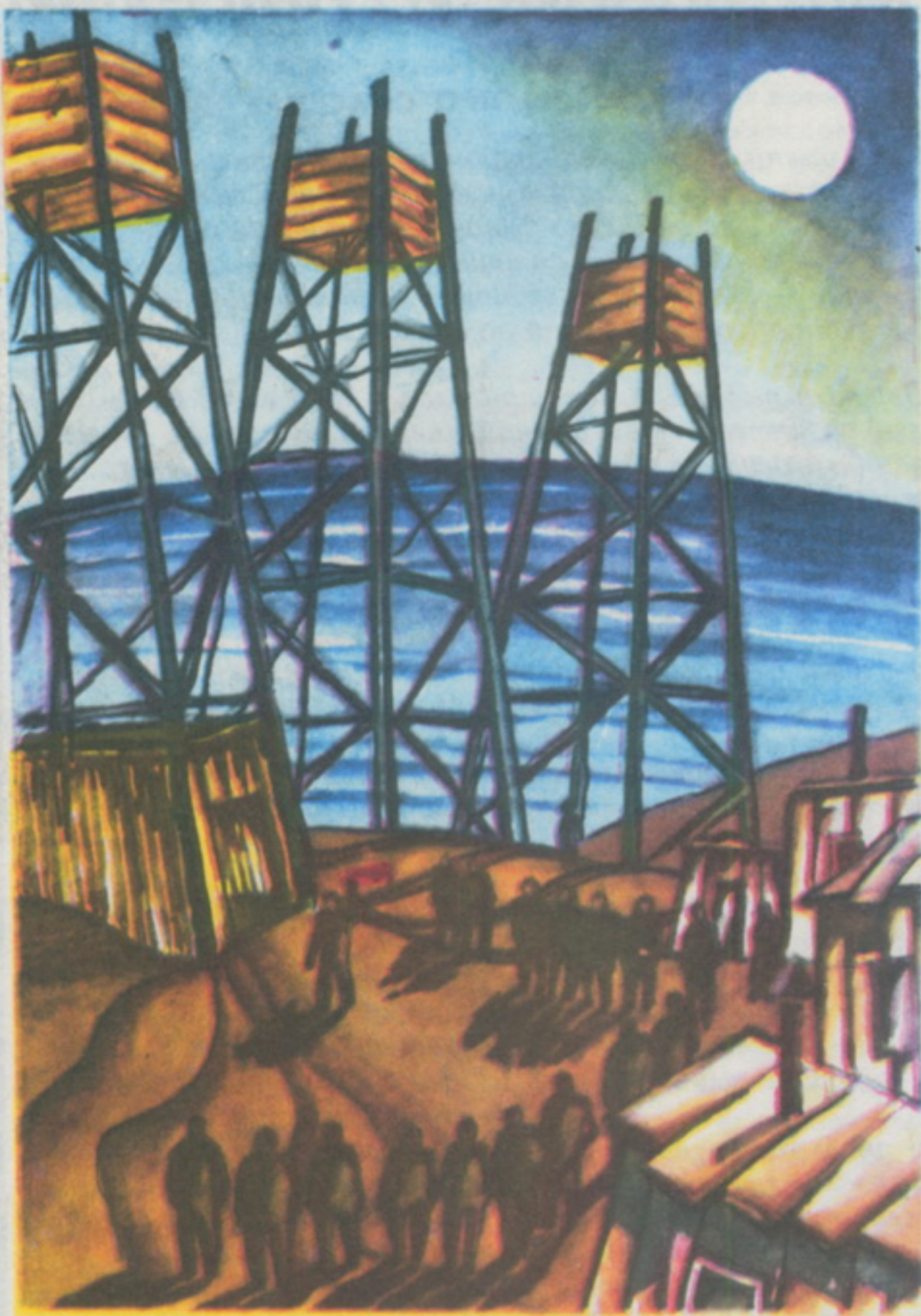
Отказывается плотник, которому стукнуло двадцать, крепить к винтовкам приклады; брат его и ровесник, торговец фруктами, любит говорить не о трупах — об урожае сада. Отказывается рабочий, отказывается крестьянин маршировать в колоннах под гром канонады и вместе обороняются: искрами наковальни, снопами и комьями — против снарядов. Каменотесы и пахари, мускулами играя, ворочают глыбы и камни, строят себе жилье, и если случится, что в эту дверь война постучится, они наотрез откажутся впустить ее.

О молодость — терпкие запахи кедра, ликующий дух, аромат первородства! Солнца потоки и песен потоки в гулком отзывчивом древе гитары, кожи упругость и нежность плоти — это тебя выставляют против штыков, чтобы алым бутоном набухли раны.

И там, где впились в кожу пороховые клещи, там сразу цветок вырос, жесткий, в багровых шрамах; тянутся к нему руки тех, кто вчера вернулся — вчера из окопов вернулись парни и клятву дают кровавому стеблю, что будут стрелять и стрелять в ненависть, пока орудийные залпы не задохнутся в крике сломанной орхидеи и раненого металла.

Я говорю: нас много, вооруженных юностью, и мы в боевой готовности, мы вкалываем, как лесорубы, и дерево нас защищает нежной корой любви.

ШАХТА

До приезда мистера Смита жизнь в Пуэрто-Вентуре была размеренной и простой: море, сети и лодки, но потом появился он со своими большими машинами, которыми управляли грязные небритые люди, пропахшие железной ржавчиной и бензином, и сразу исказились окрестности, а лица стали жестокими, безжалостными и пугливыми, рыбаки последний раз забросили свои сети в море, но не стали их больше вытаскивать.

Привычные дела были заброшены: всех охватила «желтая лихорадка», предприниматели воспользовались этим и заперли людей в темных забоях шахты, где они работали в поте лица, но, несмотря на изнурительный труд, никогда не имели денег, чтобы заплатить за выпивку, проигранное пари или услуги в увеселительных заведениях мистера Смита (а иногда в его продуктовых лавках и конторах).

И только Нелеон Чаморро понял все с самого начала. «Мы не должны быть инструментом в чужих руках, мы сами трудимся и должны жить для себя, — говорил он своим товарищам, потерявшим головы от неудач и нищеты, — нам нужно создать профсоюз, организовать кооперативы», — убеждал он, но это было так же бесполезно, как толочь воду в ступе; в один прекрасный день мистер Смит уехал с видом победителя, а люди по-прежнему вгрызались в гору, тогда приехал мистер Джонсон и заменил немощных стариков на их сыновей, которые никогда не работали в море.

Вот уж теперь Нелеон Чаморро воспрял духом (он все еще был крепким, и его оставили в шахте). «Рабочий человек должен быть свободным», — сказал он новичкам в первый же день, а на следующее утро не пришел на работу, и после этого его уже никто никогда не видел. Много лет спустя, старые и изможденные, они с тоской вспомнят о нем, когда останутся и перестанут дрожать машины и сброд из игорного дома побежит прочь, как крысы с тонущего корабля, они вспомнят о нем, когда запасы золота истощатся и их дети выйдут из старых, увязших в желтой липкой грязи развалюх и пойдут к морю искать лодки.

ГИМН ДЕРЕВЬЯМ

Хорхе РОХАС

*О, если сердца моего коснуться хочешь —
Свой дом деревьями окружишь в полночь.*

*Узнай ликующий бутон, едва-едва расцветший:
Чем медленней его восход, тем дальше он от смерти.*

*Послушай, как заговорят все маленькие вещи,
Когда на влажные поля приляжет грустный вечер.*

*Кузнечик в маленький клубок заматывает пряжу
Своей любви и разделить ее с травой жаждет.*

*Перед зрачком твоим мелькнет раскованною тенью
Усталость крыльев золотых в дрожащем оперенье.*

*Толпу высоких тополей ты насади скорее,
Чтоб тень по клавишам ветвей лилась в аллею.*

*Забьет фонтан зеленых ив из призрачного устья
И сладость кротких глаз твоих наполнит грустью.*

*Большой сосны веретено из ветра судорог
Нам тень растущую свивает в мягкость сумерек.*

*Когда созреет тишина и лес все звуки выдохнет,
Ты раздели ее, как плод, у губ с любимым именем.*

*Как только дождь среди ветвей повиснет струнным шарфом,
Пусть всплески струй споют тебе, подобно арфе.*

*Побегов юный аромат в ночной безлунной жажде
Пусть даст вдохнуть тебе впотьмах красу душистых яблок.*

*И круглые плоды весны — желание и зрелость —
Повиснут с веток голубых у гибкой сливы спелой.*

*И пусть акаций зазвенят серебряные серьги,
Как если бы взошла луна между ветвями серыми.*

*Пусть в яркий полдень золотой цветок магнолии
Напомнит лотос над водой, что светом чистым полон.*

*Когда соединим сердца мы в линиях певучих,
Да заструит из-под резца дубовый сок пахучий.*

*Вот ива нежной головой склонилась над заливом,
Как будто хочет подсмотреть полет стрижей стыдливо.*

*Когда от шелеста ветвей проснутся птичьи стаи,
Их будет больше, чем в заре прозрачных песен тает.*

*И станет лирой светлый день, рожденный в ранних звездах,
И песнь вечернюю прервет рассвета алый возглас.*

*Прильни к шумящим на ветру ветвям, что небо кроют, —
И ты услышишь гулкий зов моей горячей крови.*

Стихи Карлоса КАСТРО СААВЕДРЫ перевела с испанского Г. ТЮРИНА, Хорхе РОХАСА — С. БАРСУКОВ.

СТОЛКНОВЕНИЕ "КЛЭШ"

«За всем их колючим звукотворчеством я чувствую настойчивую человечность. При этом трудно ткнуть пальцем в какое-то конкретное место их песен — слова их довольно отчаянные, но их музыка, кипящая от ярости и боли, — это все же попытка увидеть проблеск нового и лучшего мира.»

Я знаю, очень легко быть циничным; вообще одна из самых немодных вещей сейчас — проявлять свою озабоченность и участие. А «Клэш» озабочены до воинственности. Так не потому ли они стали таким авторитетным рупором английской молодежи, стоящей в очередях за пособием по безработице?» Так писал об ансамбле «Клэш» (по-русски — «Столкновение») четыре года назад американский журналист Л. Бэнгс (см. «Ровесник» № 6 за 1978 г.)

Что изменилось за прошедшие годы в Англии и что изменилось в «Клэш»? В стране пришли к власти консерваторы. Очереди за пособием по безработице стали длиннее. Страна продолжает двигаться по тому пути, который завел многих ее молодых граждан в тупик. Свидетельство тому — прошедшие летом молодежные бунты в Лондоне, Ливерпуле, других крупных городах. Это были взрывы ярости, это была безысходность. Крик отчаяния тех, кто не может докричаться, тех, кого правящие круги не принимают в расчет.

Но именно о них и для них поют те рок-группы, которые не могут равнодушно смотреть, как наплеватьски относится страна к своему главному богатству — людям. Музыканты участвуют в движении Рок против расизма («Клэш» — его активисты); в движении Рок против нейтронной бомбы (в первых рядах «Клэш»); Рок против безработицы («Клэш» и здесь отчисляют сборы от концертов на... Да на самые разные нужды тех, кто в этих отчислениях нуждается). Поэтому, нам кажется, о «Клэш» совсем нелишне рассказать еще раз.

Пол РЭМБЕЛИ,
английский журналист

Я не хочу знать, чем занимаются богатые. И ходить не хочу туда, куда богатые ходят...

«Гарбиджленд», из репертуара ансамбля «Клэш», 1977 г.

Сегодня вечером, как и вчера, как и неделю назад, богатые пришли в «Привилеж» — шикарнейший из шикарнейших, привилегированнейший для привилегированных ночной клуб Парижа. А напротив, на тротуаре, скукают трое бродяг, и в кафе, куда и бро-

дьягам путь не заказан, сидит Джо Страммер, лидер группы «Клэш», и лечит холодным пивом больное горло и раненую гордость.

— Слушай, — говорит Джо. — Я вашу газету «Нью мюзикл экспресс» давно читаю и всегда уважал. Но сейчас с вами что-то случилось. Чему вы учите своих читателей? Что ненавидеть, на что полагаться? Чему верить — каким группам, в какие идеи?

— Ну и ну! Мне-то всегда казалось, что мы вашу группу просто задаривали любовью!

— Хороша любовь! Я ведь говорю не о критике по поводу нашей музыки —

это дело нормальное. Да я и привык к булавочным уколам, стал толстокожим — иначе на сцену не выйдешь, будешь всего бояться. Я говорю о том, в чем вы нас обвиняете, а вы нас обвиняете в позерстве. Будто все наше, как вы говорите, рок-бунтарство — это поза. Даже словечко придумали — «миф «Клэш». Но мы вовсе не считаем себя бунтарями — мы просто считаем нужным откровенно говорить то, что думаем. Иначе не было бы смысла работать...

Что же это такое — «миф «Клэш» (раз уж слово сказано)? В идеале рок-музыка всегда виделась музыкой протеста, бунта, музыкой, отражающей и питающей идеи недовольства действительностью. И такое идеальное представление о рок-музыке сохранилось. И одним из символов такого отношения к ней стал ансамбль «Клэш». Поэтому и прилепилось к ним это, может быть, не совсем точное, а скорее всего в этой ситуации совсем неточное словечко «миф».

— Все это было бы не так уж плохо, если бы... — говорит Джо. — Такое впечатление, что «Клэш» — это некая мишочка, в которую вставлен градусник, измеряющий степень нашей честности, на градуснике отмечено: «Это — правда, а это — ложь, это — искренность, а это — поза». И когда по стандартам тех, кто измеряет, наш «градус» опускается, в нас летят обвинения. Но ведь судьи кто? Те, для кого рок-музыка — способ провести время да при этом еще и заработать деньги... И вот идут разговоры: что случилось с «мифом «Клэш»? А был ли этот «миф»? А где были «Клэш» в то время, когда шли бунты молодежи?

— Совершенно верно: где были «Клэш» летом прошлого года, когда в Брикстоне, Токстесе молодые бунтовали и их избивала полиция? Они-то шли на демонстрации и пели ваши песни!

— А мы в это время были на гастролях в США, и сорвать их нельзя было — нам пришлось бы платить слишком большую неустойку. Но не в этом дело. Нам кажется, что для того, чтобы призывать людей к чему-то, рок-музыканту совсем необязательно самому строить баррикаду. Задача рок-музыканта — показать проблему, объяснить, в чем ее суть, а вовсе не наметать схему конкретных действий. Это во-первых. А во-вторых, то, что происходило летом, — это был взрыв слепой ярости. Кому стало легче от того, что молодые перебили витрины мелких торговцев, таких же задавленных, запуганных и отчаявшихся людей, как и они сами? Какой смысл в бунте ради бунта?

— Но не кажется тебе, что это был

все-таки какой-то путь политизации сознания молодых? А как ты сам «политизировался»?

Как выясняется — «от обратного».

Джо Страммер родился в Анкаре тридцать лет назад. Его отец был дипломатом. Потом семья жила на Кипре, в Мехико, в Бонне. Когда Джо исполнилось девять лет, его определили в дорожную частную школу.

— Для того чтобы возглавлять список выпускников, надо было получить высшие баллы по трем предметам. Я их получил — по истории, английскому языку и истории искусств... Потом поступил в Центральную школу искусств. Это предприятие окончилось неудачей. Все, чем там занимались, казалось мне полнейшей чушью, столь же нелепо выглядел — на взгляд моих преподавателей — я сам. А потом... Взгляните на тех людей. — Он показывает на «Привилеж». — Я был одним из них, среди них мне было уготовано место.

Среди них мне надлежало жить. Мне было восемнадцать, девятнадцать лет... Я смотрел кругом — на все эти фешенебельные клубы, на этих фешенебельных людей, — и мне было муторно, стыдно. Я глядел из окна дорогого бара — люди, окружавшие меня, старались в окна не глядеть — и видел другую жизнь. Я видел отчаяние, бессилие и пустоту. Таким вот образом я и «политизировался». А чтобы точнее объяснить... В 1905 году Джек Лондон приехал в Англию. Как раз была коронация и все связанные с нею торжества. И вот, вместо того, чтобы стоять, как другие, и смотреть на королевский кортеж, Джек Лондон отправился в Ист-Энд. А там на скамейках сидели люди. Настоящие бедные люди. «Что вы думаете по поводу коронации?» — спросил Лондон. И они ответили: «Она дает нам возможность просто сидеть весь день неподвижно. Дает нам возможность в этот день не работать».

Иржи ВЕЙВОДА,
чехословацкий журналист

В девять утра к концертному залу «Люцерна» подъехал большой грузовик с прицепом. Припарковался к шахте лифта, и начали с него сгружать одиннадцать тонн технического оборудования. На вращающуюся сцену водрузили 76 ящиков на колесиках, в них позвякивали различные электроинструменты, множество пультов — для микширования звука, для управления светом и еще непонятно для чего, 24 прожектора и километры кабеля. Следующие пять часов двенадцать мужчин — звукооператоры, осветители и их ассистенты — бились, расставляя и настраивая эти одиннадцать тонн. Последнее испытание всех электроинструментов напоминало ураган или запуск космической ракеты.

В два часа прибыли пять музыкантов: чилиец, немец, цейлонец, ямаец и суринамец. Вслед за ними — очень незаметно — стройная красивая женщина. Пристроившись в уголке за кулисами, она долго делала упражнения йоги, время от времени, будто что-то вспомнив, доставала блокнотик и быстро-быстро в нем чиркала. Через час началась генеральная репетиция, а в четыре и в восемь — два концерта. Двенадцать мужчин — звукооператоры, осветители и их ассистенты — терпеливо ждали восемь часов, чтобы упаковать и погрузить одиннадцать тонн.

А в это время ансамбль ужинает в отеле и подробно разбирает прошедшие концерты. Рабочий день певицы Прешьюс Уильсон — один из пяти дней турне по Чехословакии — заканчивается в четыре утра.

— Вас считают одной из самых известных певиц в стиле диско. Вам льстит такая слава?

— Совсем нет. Уже хотя бы потому, что дискомузыка мало-помалу умирает, а мне не хотелось бы, чтобы вместе с ней умерла и моя карьера певицы. Кроме

ЧЕРНАЯ КОРОЛЕВА ДИСКОТЕК

того, я, собственно, никогда и не была типичной представительницей дискомузыки. Об этом можно судить и по моей самой новой пластинке «На треке». Рядом с «журчащим» диско вы в ней

найдете и негритянские госпелы, и песни, построенные скорее на мелодии, чем на ритме. Этот репертуар я привезла с собой, чтобы зрители и слушатели поверили — мои возможности значи-

Я вспомнил слова какого-то французского критика: «Были люди, живущие а-ля Джон Леннон, а вот теперь найдутся те, кто работает под Джо Страммера». Но разве может искренность быть позой? Впрочем, мне возразят: ведь каждый из нас не только знает людей, которые в какой-то момент притворялись искренними, — каждый из нас и сам не без греха. Да только искренность — это искренность. И она не может быть фальшивой — по определению.

«Клэш» не выступали в Англии уже полтора года. За это время случились именно те «столкновения», которые они предсказывали.

— Говорят, что в своем отечестве пророка нет. Нас обвиняют теперь в том, что мы оказались пророками, но не участвовали в том, что предрекали, — произносит Джо, и я вижу, что раны, нанесенные обвинениями в «самоустранении», не дают ему покоя. — Но неуже-

ли не понятно, что кирпичи, которыми били витрины в Токстесе, не изменились бы ничуть, если бы «Клэш» были на месте событий или, наоборот, где-нибудь в Тимбукту.

Бернард Роудс (его часто называют «ментором» группы, «главным идеологом») кажется куда спокойнее:

— Да, «Клэш» занимаются политической деятельностью. Но так, как, мы считаем, мы должны ею заниматься. Наше дело — музыка, мы поем о том, что в данный момент волнует людей. И, мне кажется, мы делаем важное дело. Потому что из рок-песен молодые могут узнать правду. Ведь телевидение, радио, газеты врут, говорят то, что выгодно в данный момент правящему классу. Думаете, им не были выгодны эти бунты молодых? Они и их в свою пользу обратили: вот, мол, какая молодежь растет. И если ей не находится места в жизни, так это потому, что кто же захочет, к примеру, брать на работу

такого вот рок-урода с наполовину выбритой головой? Злобного, драчливого, готового на любое хулиганство? Мне кажется, эти бунты только усугубили и без того существующее поправление всего общества. И наше дело — петь для этих отчаявшихся молодых, чтобы объяснить им, как ими манипулируют. И петь об этих молодых, чтобы хоть кто-то их понял.

Критики упрекают «Клэш» в том, что музыка их стала более сложной и даже скучноватой — теперь под нее не очень-то попрыгаешь. Что ж, возможно, это и так. Прогресс группы в другом — растет ее политическое сознание. У нас полно групп, исполняющих хорошую музыку, но, если есть какая-то надежда для рока, она в таких, как «Клэш».

Но не пахнет ли все это опять же «мифом»? Ведь мифы, как известно, мертвы?

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

тельно шире, чем они привыкли думать, я не ориентируюсь только на одну модную волну.

— Говорят, вы прежде пели с «Бони М»?

— Нет. Дело было так. «Бони М» скорее певческий ансамбль. И когда им было нужно музыкальное сопровождение, они приглашали ансамбль «Ирапшн», с которым в то время я пела. Естественно, мы были знакомы. И когда в 1979 году я ушла из «Ирапшн», «Бони М» помогли мне, записав одну мою сольную песню на свою пластинку. На этом наше сотрудничество и кончилось. А потом певец «Бони М» Фрэнк Фариан написал для меня три песни и был продюсером моей первой сольной пластинки.

— Где вы теперь живете?

— Уже несколько лет в ФРГ, во Франкфурте. Перед этим я жила в Англии, а родилась на Ямайке.

— Какие у вас остались воспоминания о детстве?

— Мы жили в испанском квартале, и лучше всего я помню, что всюду вокруг было много музыки. Вы, наверное, знаете, на Ямайке музыка и танец неотделимы от жизни, как воздух, которым дышишь, или фрукты, которые рвешь прямо с дерева. Ямайская музыка — реггей — в последнее время стала известна во всем мире, но я, к сожалению, ее петь не могу. С этим человек должен жить, дышать той атмосферой, чувствовать ритм сердцем. А я уже очень давно уехала с родины, потеряла корни, и если бы я пела в стиле реггей — это было бы сплошное притворство.

— А когда вы уехали с Ямайки и почему?

— Мне было восемь лет, когда родители в поисках работы переселились в Англию, и с тех пор я на Ямайке не была. Может быть, в этом году повезет и мне удастся зимой поехать... Когда мы в шестьдесят пятом году приехали в Лондон, я плакала и уговаривала

родителей вернуться домой. Был февраль, небо серое, дождь, холод, а на Ямайке солнце... Но ребенок быстро привыкает к новому. Помню, я сидела у окна и ждала маму с работы, и... невероятная вещь — повалил густой снег.

— Вы мечтали стать знаменитой певицей уже в детстве?

— Нет, никогда. Я была послушным ребенком, а родители хотели, чтобы я стала медсестрой или учительницей, в общем, такая чистая безопасная женская профессия. Пение они считают делом очень ненадежным. И это правда: то на вершине славы, то в полной неизвестности. Я знаю людей, у которых музыка прямо в крови, а никто про них ничего не знает, а у других хороший менеджер и реклама — и весь мир с ума сходит, а они и петь-то не могут.

— Вы играете на каком-нибудь инструменте?

— На пианино — плохо, в теннис — гораздо лучше. Люблю играть Бетховена, но только сначала закрою все окна и двери.

— Как вы считаете: вы всю жизнь посвятите только музыке или вам хочется иметь семью, детей, домашний уют?

— Представьте себе, у меня шесть лет не было отпуска, и вот этим летом я решила отдохнуть. Неделю все было прекрасно. Читала книги, которые давно хотела прочесть, листала журналы, вытаскала и просмотрела все старые платья, придумала себе новые. А уже к концу недели мне стало невмоготу. Я не знала, чем себя занять. Я чувствовала себя как человек, сошедший на полустанке на спор. Поезд ушел, а что теперь делать... В общем, я вернулась в студию. Вот где бывают самые счастливые моменты, я там даже счастливее, чем когда мне в зале аплодируют. Когда нам что-нибудь удастся так, что самим понравится, — вот это радость. Мы тогда танцуем, прыгаем между микрофонами, как дети.

— Так что о семейной жизни вы пока не думаете?

— Нет, не совсем так. В один прекрасный день все может случиться. Но мне не хотелось бы расставаться с музыкой. Пусть я уже не буду известной певицей, попробую помогать молодым, предупреждать их от тех ошибок, которые наделала сама.

— Как я понял, свободного времени у вас очень мало и как вы им распорядитесь?

— В основном читаю, очень люблю научно-фантастические романы; хожу в кино, но только не на вестерны — вообще не выношу всякую стрельбу и оружие, особенно то, которое безумцы хотят разместить по всему свету.

— Вы были звездой ансамбля «Ирапшн», так вас и знают слушатели во всем мире, теперь вы избрали путь сольного пения. Вы надеетесь на сегодняшней музыкальной сцене сказать свое слово?

— Мне кажется, в сегодняшней популярной музыке полное замешательство. Стиль диско доживает последние дни, реггей никогда не станет музыкой для всех, панк в тупике. Все ждут новых направлений, новых импульсов, а пока усовершенствуется звуковая техника. Вероятно, придется и вправду возвращаться к старому доброму рок-н-роллу или к настоящему негритянскому соул, пока не появится нечто совершенно новое, о чем сегодня даже и не мечтаем. А мое место в этой неразберихе? Стараюсь главное внимание обращать на красивую мелодию, выразительный текст. Пробую писать песни сама, не очень получается. Легко написать песенку, как кока-кола: выпил, а банку выбросил. А придумать что-то новое — это совсем другое дело. К этому буду стремиться уже хотя бы для того, чтобы меня не считали только королевой дискотек.

Перевела с чешского
Д. ПРОШУНИНА

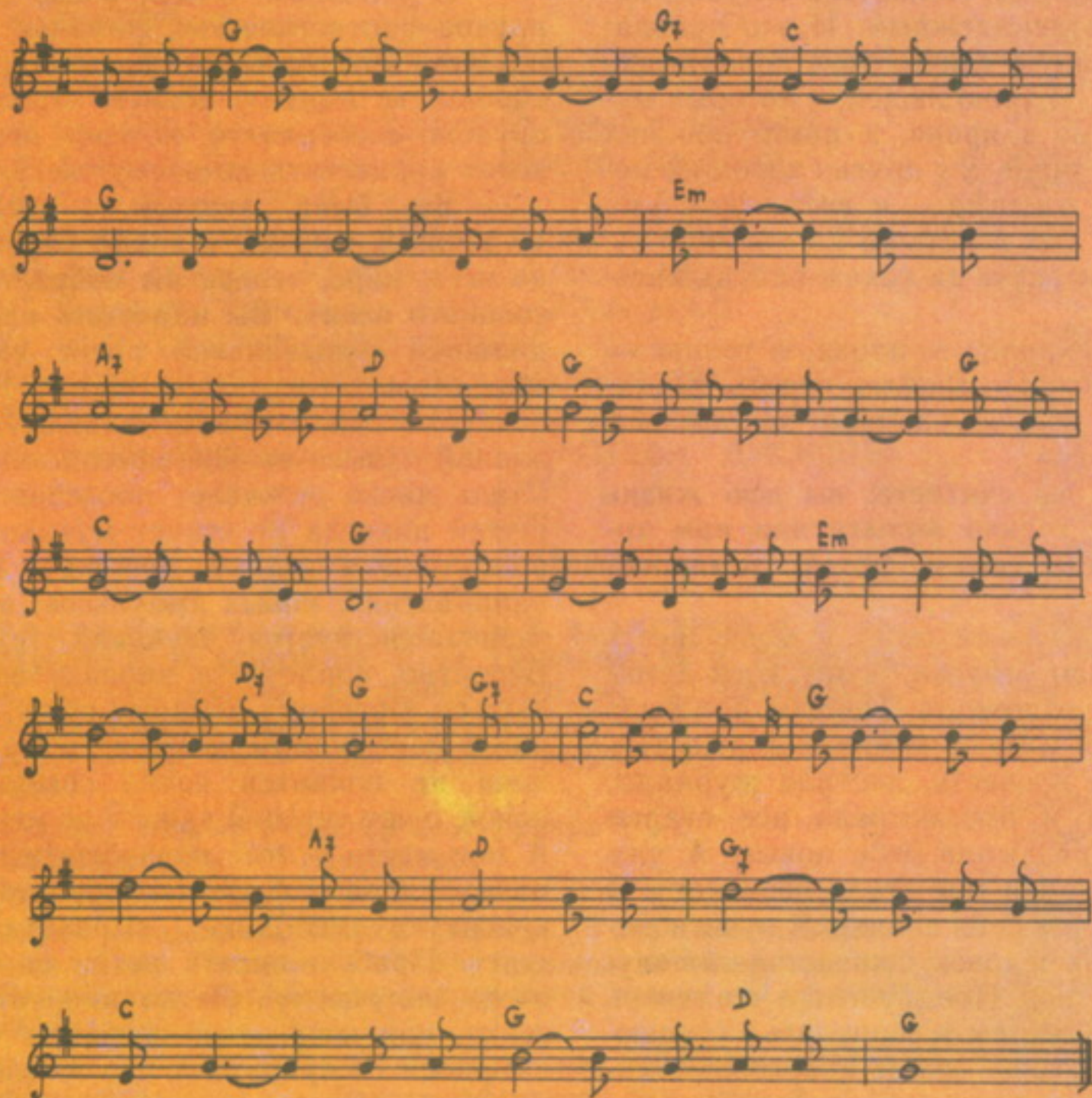

40728

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ

У этой песни давняя история: в 1958 году ее написал английский поэт Д. Брунер, положив текст на старую народную мелодию. И с тех пор она стала гимном Маршей мира, собирающих со всех концов Великобритании сотни тысяч людей. В прошлом году ее пели участники Марша мира, прошедшего по всем странам Западной Европы. Русский текст В. ТАТАРЕНКО.

Индекс 70781
Цена 35 коп.

1. Неужели ты захочешь
Увидеть, как небеса
Упадут на нашу землю,—
Что тогда! Подумай сам.
Неужели ты согласишься,
Чтоб настал тот страшный день,
День, когда взорвется бомба,
Превратив живое в тень.

Припев:

Люди мира! Станем рядом,
Не позволим силам зла
Превратить планету в ад. Пусть
Будет проклята война.

2. Люди, будьте осторожны,—
Не бывает «местных» войн.
Каждая когда-то может
Стать последнею войной.
Жизнь окончится. На свете —
Если будет этот свет —
Ничего не будет, кроме
Ржавых танков и ракет.

Припев.

3. Так давайте скажем хором:
«Не допустим! Не хотим!»
Люди, каждый час нам дорог —
Мир у нас у всех один.
Маршем мира по планете
Мы шагаем. С нами в ряд
Встанут взрослые и дети —
Мира боевой отряд.

Припев.

1. Don't you hear the H — bomb thunder
Echo like the crack of doom?
While they rend the skies asunder,
Fall-out makes the earth a tomb.
Do you want your homes to tumble,
Rise in smoke towards the sky?
Will you let your cities crumble,
Will you see your children die?

Припев:

Men and women stand together,
Do not heed the men of war,
Make your mind up now or never
Ban the bomb for evermore.

2. Tell the leaders of the nations
Make the whole wide world take heed —
Poison from radiation
Strikes at every race and breed.
Must you put mankind in danger
Murder folk in distant lands?
Will you bring death to a stranger
Have his blood upon your hands?

Припев.

3. Shall we lay the world in ruin?
Only you can make the choice.
Stop and think of what you're doing
Join the march and raise your voice.
Time is short, we must be speedy,
We can see the hungry filled.
House the homeless, help the needy.
Shall we blast, or shall we build?

Припев.